

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТНЫЕ И НЕИЗВЕСТНЫЕ ОТКРЫТИЯ XX ВЕКА

Сборник статей

Сборник статей

**Известные и неизвестные
открытия XX века**

«Санкт-Петербургский государственный университет»

2016

УДК 009
ББК 6/9

Сборник статей

Известные и неизвестные открытия XX века / Сборник статей — «Санкт-Петербургский государственный университет», 2016

ISBN 978-5-288-05701-4

Предлагаемый сборник научных статей, издаваемый по материалам Международной научной конференции «Известные и неизвестные открытия XX века» (4–5 декабря 2013 г., СПбГУ, Факультет свободных искусств и наук), посвящен рассмотрению феномена XX столетия в истории, философии, литературе, культурологии и искусстве. Общая концептуальная основа всех статей – сосредоточение на понятии «открытие», изучение событий и людей, которые вносят коренные изменения в науку и культуру. В научное издание вошли работы ведущих ученых и деятелей культуры. Книга представляет интерес для ученых, научных сотрудников, студентов, аспирантов, преподавателей гуманитарных вузов.

УДК 009
ББК 6/9

ISBN 978-5-288-05701-4

© Сборник статей, 2016
© Санкт-Петербургский
государственный
университет, 2016

Содержание

От составителя	6
Официально признанное «неофициальное искусство»	8
Высшая школа России под властью советской (октябрь 1917–1930-е годы)	11
Портреты исторических деятелей XX столетия как открытие века	16
Превратности Великой войны (1914–1918)	23
Экспозиция Соловецкого музея-заповедника «Соловецкие лагеря и тюрьма. 1920–1939»	30
Неизвестные страницы творческой биографии академика В. М. Жирмунского: юношеская лирика 1909–1911 годов	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Известные и неизвестные открытия XX века (сост. Т. Юрьева)

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

* * *

От составителя

Некоторые комментарии к веку XX: переход из тайного в явное

Международная научная конференция «Известные и неизвестные открытия XX века» (4–5 декабря 2013 г., СПбГУ, Факультет свободных искусств и наук) стала первой в цикле, посвященном осмыслению феномена XX столетия в науке, культуре и искусстве; она вводит в научный оборот новые трактовки хорошо известных и скрытых от широкой публики открытий, феноменов, личностей, событий.

Конференция задумана как междисциплинарный разговор специалистов различных отраслей гуманитарного знания об известных и неизвестных реалиях и людях, которые изменили мир, общество, личность. Понятие «открытие» понимается организаторами конференции как установление неизвестных раньше, но объективно существующих закономерностей, свойств и явлений материального мира, которые вносят коренные изменения в науку и культуру. В докладах отмечены яркие проявления индивидуальных талантов в науке, музыке, литературе, кино, живописи...

Ход рассуждений исследователей образует в совокупности более полную картину, казалось бы, изученного столетия (гуманитарные явления и техногенные прорывы медицины, звуковые ландшафты, онтологическая парадигма, диалог исследователя с мозгом и многое другое).

XX век оказался богат открытиями в разных областях человеческой деятельности; в наступившем XXI в. переосмыслить целые пласты мировой культуры помогает необходимая временная дистанция.

Всякое подлинное, ценное исследование всегда строится на данных внутреннего опыта. Каждого ученого притягивает определенный круг имен, который *a priori* может быть как общепринятым, так и спорным. Приблизиться к истине помогает дискуссия, обнаруживающая точки сближения разных позиций.

Чрезвычайно важным представляется выявить имена исследователей, которые вели поиски на пересечении естественных, точных и гуманитарно-художественных научных проблем своего времени. Данный подход оказывается актуальным и в настоящее время.

Невозможно оставаться равнодушными и к истории как таковой, и к пониманию того, что каждое общество, каждый человек есть в какой-то степени результат определенной истории, которая не может быть описана как бесконфликтный нарратив. Бесконфликтный нарратив не значит ничего – он не имеет смысла. Лишить смысла историю можно разными способами, и хуже всего, если этот процесс отражается на учебниках среднего и высшего образования. История не знает предсказуемости, и в ней нет непройденных дорог, как нет и сослагательного наклонения. Непонимание – притворное или настоящее – обошлось человечеству, и России в частности, предельно дорого.

Сегодня, когда творчество многих и в культуре, и в искусстве стало историей, мы можем оценить глубину анализа, точность описания симптоматики и прогнозов, а также степень историчности и объективности тех специалистов, которые обращаются к различным концепциям.

Как и следовало ожидать, историки, философы, социологи активно обсуждают поставленные, но не всегда позитивно решенные в свое время вопросы, обсуждают превратности Первой мировой войны, дают портреты политических деятелей XX в., крупных и известных ученых, часто не оцененных современниками. Здесь доклады о кино, балете, музыке, литературе, изобразительном искусстве XX в., которые по-новому акцентируют личностные качества создателей и их художественные достижения. Поставлены вопросы, связанные со школьным и либеральным образованием, и даны четкие ответы на них.

Еще А. С. Пушкин писал: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная» («Арап Петра Великого»). Полагаем, что в опубликованных докладах есть новое и о значительных явлениях человеческой культуры, и о личностях, достойных не просто упоминания, а именно подлинного исследования и определения их значения в истории науки и культуры.

На обложке программы конференции нами не случайно были использованы произведения В. Кандинского и О. Тобрелутс (начало и конец XX в.). Про открытия гениального Василия Кандинского известно. Ольга Тобрелутс – представитель «Новой Академии», основанной Т. Новиковым; ее концептуальные открытия в области видеоарта, компьютерной графики и фотографии заслуживают внимания. Создавая в XX в. «Новую мифологию», художница не раз обращалась к различным мифологическим сюжетам, в частности к образам Адама и Евы, увидев в них Элвиса Пресли и Мадонну, с которых и началась массовая культура 1970-х гг. – одно из проявлений многогранного XX в.

Факультет свободных искусств и наук СПбГУ рад возможности объединить на нашей конференции ученых из разных стран и городов России, стремящихся внести научный вклад в эту привлекательную для многих проблему.

Т. С. Юрьева

Официально признанное «неофициальное искусство»

Первый вопрос, на который должен ответить исследователь, – для чего и для кого он предлагает свою идею конференции. Отвечаю: прежде всего для студентов. Сейчас время изменившихся смысловых связей. У старой культуры размываются границы, и мы медленно, но верно проваливаемся в пространство неопределенности. Самое трудное – поймать новую идею и поставить старый вопрос. При общей туманности смыслов сделать это трудно, но необходимо. Обратим внимание на то, что фраза «Я политикой не занимаюсь, я далек от политики», так часто звучавшая из уст талантливых творческих людей, сегодня неактуальна и, более того, опасна.

Я думаю, что основная драма времени – потеря Памяти.

Во всех эпохах был этот фактор, когда манкурты отрицательно влияли на развитие человечества. И сейчас такая опасность есть. Современное общество уязвимо. В эпоху глобализации, когда идет всеобщая универсализация, национальные культуры во многом утрачивают свои возможности, что может привести к манкуртизму. Лишенный понимания собственного «я», манкурт обладал целым рядом преимуществ – он был равнозначен бессловесной твари и потому абсолютно покорен и безопасен.

Все вместе взятые национальные культуры могут оказаться под одним колпаком тоталитарной массовой культуры. И все же я надеюсь, что демократические тенденции будут вести нас к прогрессу и не допустят зловещего развития событий. «Громокипящее» слово «газаневщина» обозначает в общем-то достаточно безобидное, доброе, но безусловно протестное явление в истории советского искусства 1970-х гг. Мифы и легенды, порожденные тем временем, остроумны и блестяще «работают» и по сей день. Прошло несколько юбилеев со дня открытия выставок в ДК им. Газа (22–25 декабря 1974 г.) и ДК «Невский» (правда, второе открытие состоялось в 1975 г.). Отмечу сразу: многие «старые» имена тогда еще молодых художников доказали, что газаневщина имеет право на существование в искусстве. Конечно, корни ее уходят в традиции русского авангарда.

Незамечаемое творческое поколение питерцев 1950-х гг. – Арефьев, Васми, Шварц, Гудзенко и единственный среди них поэт Р. Мандельштам – превратилось в классиков. Смысл, идея, философия – столпы их искусства, и именно они, как неотъемлемые составляющие их произведений, делают их искусство актуальным и сегодня. Новый век, новые скорости не могут привести к забвению подлинных традиций как русского авангарда, так и нонконформизма. Именно художническая память помогла им с чувством собственного достоинства пройти дорогу свершений, открытий, страданий и побед.

Ценимая как петербуржцами, так и гражданами России в целом, своя история с разными по содержанию страницами, познавшая и трагедии, и фарс, и предательство, и горе, и радость, привела к особому проявлению «инаковости», что видно при сравнении с московским концептуализмом.

В газаневщине меня привлекает сильная личностная составляющая, без которой это движение просто не состоялось бы. Первым мистически-карнавальным началом ленинградского андеграунда следует считать штаб-квартиру Михаила Шемякина на Загородном проспекте. Мастерская Владимира Овчинникова в Кустарном переулке, где за один день могли перепознакомиться сотни художников, жаждущих показать свои картины, стала логичным продолжением развития ленинградского подпольного искусства.

Поэты и летописцы – Р. Мандельштам, К. Кузьминский, О. Григорьев, В. Кривулин, музыканты – Б. Гребенщиков, В. Агафонов, А. Ардановский, художники – В. Шагин, А. Аре-

фьев, Р. Васми, И. Иванов, О. Сидлин, Е. Рухин, А. Окунь, Ш. Шварц, Г. Богомолов, Ю. Петроченков, А. Васильев, В. Герасименко. Эти знаковые и абсолютно разные в своем творчестве фигуры и составляли фундамент ленинградского «нонконформизма». Они и в XXI в. не утратили художественного обаяния.

Те, кто остался в живых, встретились через тридцать лет. Никакой ностальгии по старым временам не было, ибо время того не заслуживает. Ностальгия была лишь по друзьям и атмосфере их бурных или тихих сборищ. Прекрасные живописцы А. Манусов и А. Раппопорт, как и многие ушедшие из жизни, были представлены картинами тех далеких лет.

Семнадцать художников, приехавших из разных стран, были растеряны, им с трудом верилось, что отмечают их прошлое и приветствуют их настоящее. (Принцип акции – экспонировать ранние произведения и последние работы.)

Они приехали в иную реальность, в город Санкт-Петербург, которому, как и всей стране, не свойственно покаяние. Диалога с властью не состоялось – и, к счастью, в этом уже нет необходимости.

Они часами бродили по городу, который их воспитал, притягивал и отталкивал. Местом притяжения и олицетворением их молодости в царско-дворцовом Петербурге стал Эрмитаж.

Я не уверена, что сам город отличается толерантностью – безмолвие строений, скорее, отражает безразличие. В их судьбе гранитные набережные сковывали не только Неву. Зато в их летописи «течет портвейн в канале Грибоедова».

Художники разной степени одаренности, неожиданно ставшие знаменитыми, явили миру ленинградский «нонконформизм». О таком пронзительном и шумном подпольном синтезе музыки, поэзии, живописи в те годы знали только их единомышленники. Но их было много. «Сайгон» стал их резиденцией и полностью выполнил свою роль места духовного сплочения мятежных, бедствующих людей. Здесь, в сочиненном ими мире, провозглашались свои лозунги и говорили на своем языке.

Если поколение Блока как пароль произносило «Тень несозданных созданий...», то в шестидесятые-семидесятые годы тень созданных созданий была огромной, запретной и бесконечно привлекательной.

Они явили мир другого искусства и другого образа жизни, далекого от циничных и «зловеще-оптимистичных» по сути идеалов «социалистического реализма». Ажиотаж, часовые очереди, логичные для тех десятилетий запретные акции, – все это в их биографии сыграло свою роль. Молодые люди мгновенно стали известны на Западе, они полюбили себя («Я – человек, до неприличия, страдаю манией величия», – так заканчивалось стихотворение В. Нестеровского). Они избрали опасную для жизни форму игры. И этот перформанс 1974–1975 гг. по своей непредсказуемости остался непревзойденным.

Придуманной ими «орден нищенствующих живописцев» был ироничным включением себя в культуру средневековья. С упорством верующего они «расписывали свой собственный саркофаг», как саркастично отметил Рихард Васми.

Светящиеся изнутри лица «газаневщины» навсегда запечатлены на черно-белых фотографиях Г. Приходько, ставших еще одним петербургским документом того времени.

Факт биографии и факт искусства – не одно и то же. В истории искусства биография важна как отражение неких культурно-исторических пластов в самих произведениях. Ценят за осуществленное – несмотря на то что тебе постоянно портили кровь, нервы, и струны души натягивались до последнего предела, за которым могла возникнуть лишь темнота. Кто смог, тот и уехал. Личные трагедии людей, вынужденных уехать, были связаны с жутким, чисто ленинградским антисемитизмом. Расставание с друзьями стало еще одной постоянно действующей акцией вплоть до 1985 г.

В этой акции мне было вновь интересно и важно увидеть произведения, которые обрели новое звучание. Имена тогда еще совсем молодых – А. Белкина и Е. Фигуриной, Ю. Петроченкова, А. Басина, В. Духовлинова – стали известны в России и далеко за ее пределами. Живопись В. Шагина, Г. Зубкова, А. Геннадьева, И. Тюльпанова, Е. Абезгауза, Г. Устюгова, В. Гаврильчика, Ю. Жарких, С. Ковальского принадлежит петербургскому искусству. А концептуальное искусство Ю. Календарёва способно наполняться потрясающей музыкой...

Без нонконформизма современная петербургская культура вряд ли имела бы такую многогранность. Звучат закаленные тем временем стихи Т. Буковской, востребована проза Д. Дара. Представителям газаневской культуры было чему сопротивляться и, развивая традиции русского авангарда, они смогли победить себя и время.

Т. С. Юрьева

Высшая школа России под властью советской (октябрь 1917–1930-е годы)

Октябрьский переворот 1917 г. мгновенно остановил процесс демократической реорганизации российской высшей школы, запущенный в краткий период деятельности Временного правительства. Новая власть была по-разному встречена учащимися и профессорско-преподавательской корпорацией высшей школы. Столичное студенчество, растратившее свой протестный пыл в конфликтах с профессурой и Временным правительством, отреагировало анемично, хотя и не испытывало к большевикам социально-политических симпатий. Провинциальное на территориях, захваченных разгоравшейся Гражданской войной, в целом поддерживало противников Советов¹. Осознавая политическую ненадежность «старого» студенчества, Советская власть задумала срочным порядком пролетаризировать высшую школу. Декретом СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения» было постановлено, что каждое лицо с 16 лет, независимо от уровня образования, могло стать слушателем любого университета и института². Постановлением СНК РСФСР от 6 августа 1918 г. Наркомпросу предписывалось обеспечить преимущественный прием в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства³.

В результате этих правительственных решений высшую школу заполнили абитуриенты без среднего образования. Но столь же быстро эта волна и схлынула. Профессор Московского университета М. М. Новиков вспоминал о создавшейся коллизии: «В первое время аудитории переполнились полуграмотными рабочими, которые вскоре, однако, поняли, что “грызть гранит науки” не такая простая вещь, как об этом думали политические руководители. Что касается различного рода практических занятий в семинариях и лабораториях, играющих в современной постановке высшего образования часто доминирующую роль, то к ним неподготовленная публика и вообще не могла быть допущена. В результате состав студенчества вновь снизился почти до первоначального уровня»⁴.

Пришлось Наркомпросу искать иной путь «осовечивания» состава учащихся высшей школы. И он был найден в виде так называемых рабочих факультетов (рабфаков) в структуре высших учебных заведений для ускоренной подготовки рабоче-крестьянской молодежи к освоению высшеобразовательной учебной программы под руководством профессоров и преподавателей (при их, кстати, благожелательном отношении к данному проекту)⁵. Осознав, что на формирование контингента «красного студенчества» потребуется время, Советское правительство вынуждено было черпать остро необходимые кадры высшей квалификации из наличного состава студенчества «буржуазного». По подсчету Е. Э. Платовой, за годы Гражданской войны было издано 30 декретов о срочной мобилизации старшекурсников инженерных и медицинских высших учебных заведений в Красную армию, а также о безот-

¹ Например, студенты Новочеркасского политехнического института в конце 1918 г. организовали боевую студенческую дружину для борьбы с «анархо-большевизмом». Из дружинников были сформированы 13 паровозных бригад, сыгравших большую роль в подавлении большевистского восстания в Ростове-на-Дону. Прикомандированная к Добровольческой армии генерала Корнилова дружина участвовала в легендарном Ледовом походе [9, с. 62].

² Декреты Советской власти. М., 1964. Т. III. с. 138, 141.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 37. М., 1969. с. 34.

⁴ Новиков М. М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. с. 108.

⁵ Чанборисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы. М., 1988. с. 82–94.

⁶ Купайгородская А. П. Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917–1925). Л., 1984. с. 85–95.

лагательном возобновлении занятий студентов прочих курсов⁷. Высшая медицинская школа была милитаризована переводением ее в подчинение главкома вооруженных сил РСФСР. В ряд первоочередных была поставлена задача обязать студентов-медиков обоего пола продолжить учебные занятия в порядке неотложной трудовой повинности под угрозой судебной ответственности. Учащиеся переводились на полное государственное обеспечение по нормам курсантов военно-учебных заведений⁸.

Постановлением СНК РСФСР от 24 марта 1920 г. «О срочном выпуске инженеров-специалистов» ставилась задача подготовки по ускоренной программе инженеров из студентов промышленных институтов, включая возвращение к месту учебы мобилизованных в Красную армию, на промышленные предприятия и в различные советские учреждения. Теперь они считались откомандированными на учебно-трудовой фронт для ускоренного прохождения высшего образовательного курса. Все эти так называемые ускоренники переводились на государственное содержание, а по завершении обучения в обязательном порядке направлялись в распоряжение народнохозяйственных органов⁹.

Профессура встретила большевистский переворот как узурпацию законной власти Временного правительства, с возмущением восприняв отказ большевиков от союзнических обязательств России в войне с Германией. 20 ноября 1917 г. Совет Харьковского университета принял на этот счет резолюцию, в которой заявлялось: «Нам невыносима мысль, что в муках рожденная русская свобода в сознании нашего потомства будет соединена с воспоминаниями об отвратительном предательстве»¹⁰. Резолюция была доведена до сведения консулов союзнических держав. Харьковских коллег поддержали профессора Казанского университета, которые считали, что сепаратный мир «исторгнет Россию из семьи народов, создающих общим трудом науки, искусства и промышленность, т. е. творящих те духовные и материальные ценности, которые составляют жизнь народов и без которых этой жизни нет»¹¹. Такого рода резолюции были последними широковещательными заявлениями профессорско-преподавательского корпуса о своем отношении к проблеме защиты Отечества.

Полагаясь на непрочность Советской власти, профессорские коллегии высших учебных заведений продолжали жить по академическим законам Временного правительства. По свидетельству профессора М. М. Новикова, «гармоническая согласованность университетской жизни... без особых потрясений царил в Московском университете в первые годы большевистского режима, вплоть до того времени, когда коммунистическое правительство произвело натиск... на принцип академической автономии»¹². По образу и подобию московских коллег действовала профессура высших учебных заведений Петрограда¹³. А вот что писал о ситуации того времени в Казанском университете его бывший студент и историограф М. К. Корбут: «Университет себя чувствовал, пожалуй вплоть до 1918 г., автономным в полном смысле этого слова! До него не было никому дела, а сам он отнюдь не интересовался принятием на себя каких бы то ни было обязанностей в отношении новой власти, с нетерпением ожидая восстановления *status quo* и настойчиво посылая официальные бумаги в Пет-

⁷ Платова Е. Э. Жизнь студенчества России в переходную эпоху. СПб., 2001. с. 23.

⁸ Платова Е. Э. Жизнь студенчества России в переходную эпоху. СПб., 2001. с. 23.

⁹ Платова Е. Э. Жизнь студенчества России в переходную эпоху. СПб., 2001. с. 23–26.

¹⁰ Сизова А. Ю. Российское студенчество в революционных событиях 1917 года: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. с. 57.

¹¹ Литвин А. Л. Ученые Казанского университета во время смены политических режимов // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е – начало 20-х годов. СПб., 2003. с. 125.

¹² Новиков М. М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. с. 103.

¹³ Беляева А. М. Эрвин Давидович Гримм в Петербургском университете: академическое сообщество позднимперского периода: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. с. 265.

роград на имя уже не существовавшего министерства народного просвещения (Временного правительства. – *А. И.*)»¹⁴.

Демонстрируя свою независимость, профессура самостоятельно, без санкции Наркомпроса, продолжала пользоваться таким атрибутом университетской автономии, как некогда нерушимое право университетов присуждать по результатам защиты диссертации ученые степени магистра и доктора наук. Вызывающий характер в понимании власти приобрела защита И. А. Ильиным диссертации «Философия Гегеля как учение о конкретности бога и человека» (М., 1918), потому что учителем и оппонентом соискателя был разыскиваемый ВЧК профессор П. И. Новгородцев как деятель «правого центра» кадетской партии. Тогда же диссертационные диспуты с присуждением ученых степеней прошли в Казанском, Петербургском, Харьковском и Киевском университетах.

Ответом на эти «самоуправные» демонстративные поползновения к отстаиванию академических прав профессорской корпорации стал Декрет СНК от 1 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений РСФСР». Он имел откровенно репрессивный характер, поскольку наравне с сословиями и чинами прошлой эпохи упразднял ученые степени с единственной целью обезличить «старую» профессуру и уравнивать ее с «младшими» преподавателями». Их судьба решалась голосами новоиспеченных «профессоров» и «преподавателей» из бывших приват-доцентов и ассистентов, прослуживших в высшей школе соответственно три года и менее¹⁵. Расчет Наркомпроса делался на то, что младшие по возрасту мстительно забаллотировали старших коллег, расчищая себе карьерную дорогу. Но он не оправдался. Профессор-зоолог Московского университета М. М. Новиков так резюмировал эту коллизия: «Консолидация преподавательского состава, счастливо начатая в период Временного правительства, проявилась во всей своей силе. Почти все старики оказались вновь переизбранными. На нашем факультете (физико-математическом. – *А. И.*), как бы по иронии судьбы, провалился лишь профессор астрономии Штернберг»¹⁶. Последний был большевиком.

Однако лишенная ученых степеней, уравненная в своем академическом статусе с «младшими» коллегами, «старая» профессура попыталась бойкотировать Декрет. Еще в 1919 г. в Московском и Киевском университетах наблюдались факты защиты диссертаций с присуждением ученых степеней. Встретив же сопротивление власти, «старая» профессура изменила тактику. Сохранив в неприкосновенности во всех процедурных ипостасях диссертационный диспут, она стала голосовать по формуле: «считать (не считать) диссертацию успешно завершённой». Неповиновение «старой» профессуры диктовалось не только побуждениями остановить произвол Наркомпроса, но и идеалистическим стремлением сохранить чистоту академических рядов от нашествия провластных назначенцев, не отвечавших сложившимся в XIX – начале XX в. высоким требованиям к научной подготовке преподавателей высшей школы. Новый, неофициальный, тип научной аттестации сохранял академический авторитет вплоть до начала 1930-х гг. И он не остался без позитивных последствий. 8 мая 1926 г. в Москве на заседании Центрального совета секции научных работников ГУС Наркомпроса обсуждался доклад академика В. П. Волгина «Об установлении единой ученой степени» – и этот вопрос не снимался с повестки дня академической политики Наркомпроса до 1934 г.

Своеволие профессуры Советская власть воспринимала выжидательно, правда, не отказываясь от ставших привычными мер выборочно-профилактическо-репрессивного характера (чаще всего в виде краткосрочных арестов).

¹⁴ Корбут М. К. Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова (Ленина) за 125 лет. Казань, 1930. с. 301.

¹⁵ Декреты Советской власти. М., 1964. Т. III. с. 381–383.

¹⁶ Новиков М. М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. с. 103.

Можно заключить, что в 1917–1920-х гг. между «людьми науки» и Советской властью установилась ситуация позиционного противостояния, при котором стороны, как бы прощупывая друг друга, воздерживались от решительных действий¹⁷.

Советская власть, в свою очередь, отказалась от первоначальной попытки революционным наскоком расколоть корпоративное единство профессорско-преподавательского корпуса, противопоставив «старой» профессуре «младших» преподавателей (приват-доцентов, ассистентов), традиционно недовольных своим академическим неполноправием. Пришло понимание того, что без старых «буржуазных» специалистов («спецов») не обойтись, пока не будет возвращена замена им в лице профессуры коммунистической – «красной». Началась осада этой корпоративной крепости посредством «странной политики», по определению американского исследователя С. Финкеля, замешанной на уступках и давлении, с помощью которой Советское правительство старалось «установить контроль над высшим образованием и устранить худшее из того, что оно считало чуждым, одновременно пытаясь использовать небольшевистскую профессуру и сделать минимальным ущерб, наносимый этим ценным институтам»¹⁸. Апогеем такого противостояния стал острый конфликт, связанный с принятием Устава высшей школы, кодифицированного подписанным В. И. Лениным Декретом СНК РСФСР «О высших учебных заведениях» (сентябрь 1921 г.). Автономия высшей школы, декларированная Временным правительством, была окончательно сокрушена. Демонстративный протест профессуры с применением забастовок побудил власть к уступке в виде «Положения о высших учебных заведениях» (июль 1922 г.), которое несколько расширило академическую правоспособность профессоров и преподавателей. Но вскоре многие протестующие подверглись как контрреволюционеры арестам, ссылкам, реквизициям имущества. Наиболее «активные контрреволюционные элементы» под угрозой расстрела были изгнаны из страны («Философский пароход»). Большевицкая «Правда» от имени Советской власти императивно заявила, что это первое предупреждение «буржуазной интеллигенции». Сопротивление деятелей высшего образования было сломлено.

Вместе с тем в руководстве Советского государства оказались и те, кто в молодости были студентами «старорежимной» высшей школы; вызревало осознание того, что полное устранение с академической авансцены «старой» профессуры грозит катастрофой всей системе высшего образования, наследованной от прежнего режима, и полным исчерпанием научно-технического потенциала России. Во избежание этой цивилизационной катастрофы, для той части научного сообщества, которая оставалась в стране, была запущена в действие тактика вовлечения в деятельность создаваемой Советской властью сети многочисленных разноместных научно-практических исследовательских институтов, организационно стоявших вне высшей школы. И эти НИИ, идея которых будоражила умы выдающихся ученых (В. И. Вернадский, К. А. Тимирязев и др.) еще до 1917 г., увлекла многих «людей науки» комфортом чисто научной деятельности, по сути аполитичной по сравнению с научно-педагогической, постоянно напрягаемой необходимостью защиты академической автономии от разрушительных властных поползновений.

Советская власть внесла также кардинальное изменение в систему подготовки свежих пополнений профессорско-преподавательского состава высшей школы. Пришлось учесть российский исторический опыт научной аттестации XIX – начала XX в., которого упорно держалась «старая» профессура. 13 января 1934 г. публикуется постановление Совнаркома РСФСР «Об ученых степенях и званиях» – прерванная академическая традиция, сформировавшаяся в XIX в., была восстановлена.

¹⁷ Литвин А. Л. Ученые Казанского университета во время смены политических режимов // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е – начало 20-х годов. СПб., 2003. с. 127.

¹⁸ Финкель С. Организованная профессура и университетская реформа в Советской России // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е – начало 1920-х годов. СПб., 2003. с. 173–174.

А. Е. Иванов

Литература и источники:

1. *Беляева А. М.* Эрвин Давидович Гримм в Петербургском университете: академическое сообщество позднеимперского периода: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.
2. Декреты Советской власти. М., 1964. Т. III.
3. *Корбут М. К.* Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова (Ленина) за 125 лет. Казань, 1930.
4. *Купайгородская А. П.* Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917–1925). Л., 1984.
5. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 37. М., 1969.
6. *Литвин А. Л.* Ученые Казанского университета во время смены политических режимов // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е – начало 20-х годов. СПб., 2003.
7. *Новиков М. М.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952.
8. *Платова Е. Э.* Жизнь студенчества России в переходную эпоху. СПб., 2001.
9. *Решетова Н. А.* Интеллигенция Дона и революция. 1917 – первая половина 1920-х годов. М., 1997.
10. *Сизова А. Ю.* Российское студенчество в революционных событиях 1917 года: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007.
11. *Финкель С.* Организованная профессура и университетская реформа в Советской России // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е – начало 1920-х годов. СПб., 2003.
12. *Чанборисов Ш. Х.* Формирование советской университетской системы. М., 1988.

Портреты исторических деятелей XX столетия как открытие века

Английский историк XIX в. Томас Карлейль заметил: «Хорошо написанная биография так же редка, как и хорошо прожитая жизнь»¹⁹. Французский писатель, автор жанра романизированных биографий Андре Моруа поправил англичанина в XX в., добавив, что «первое встречается куда реже, чем второе»²⁰. А лидер английских консерваторов Бенджамин Дизраэли рекомендовал вообще не читать книг по истории – ничего не читать, «кроме биографий, ибо в них показана реальная жизнь, без каких-либо теорий»²¹.

Жанр биографии стал не просто популярным в России во второй половине XX в. – он реально составил конкуренцию детективному жанру. Сегодня на самых видных местах любого книжного магазина стоят горы биографий так называемых звезд и вивов. На ярких обложках – фотографии популярных актеров, певцов, скандальных музыкантов, художников, всесильных правителей, видных политиков, известных писателей и ученых. Галерея лиц и имен – бесценная палитра человеческих судеб, жизней людей.

Биографическое направление признано во многих гуманитарных науках; каждая из них использует биографический метод при изучении своего предмета. Литературоведение, искусствоведение используют биографии мастеров культуры для раскрытия феномена их творчества; психология через восприятие и миропонимание отдельного человека использует «персональную историю»; социология, социальная антропология, этнография изучают биографическую составляющую для анализа этнических, конфессиональных, социальных различий в обществе; для исторических описаний биографический метод известен еще с Античности: жизнеописания Светония, Плутарха, христианские жития святых, мемуары, дневники, записки – этапы длительного развития метода. XX в. явил новый этап развития биографического жанра. Популярность у читателей многочисленных книг, имеющих биографическую составляющую, стала характерной особенностью данного периода.

Политический портрет – особый жанр биографического направления – открытие ушедшего века, так как он создал новую традицию в подаче и использовании портрета исторических личностей в гуманитарном и общественно-политическом знании, неведомую до этого времени. Портрет стал использоваться в качестве важного инструмента воздействия власти на общественное мнение путем создания образа, соответствующего тем представлениям общества, которые, в свою очередь, во многом формировались управленческими структурами. Появление политического портрета в публицистической, политологической, социологической, исторической литературе было тесно связано и с общественно-политической востребованностью общества, изменившего к началу прошлого века свои представления об отдельной личности, его роли в истории, стремившегося глубже понять, «разглядеть» современника, увидеть в нем характерные черты времени.

В данном случае речь пойдет об эволюции политического портрета советских руководителей за XX в. В России политический портрет вождей в этот период занимал особое место, так как продвигал в массовое сознание идеологические установки власти. Подобное отношение к личности вождя проистекало не только из стремления власти усилить свое влияние на общество, но и из исторической российской традиции отношения к ней: на протяжении веков власть и государство неразрывно ассоциировались с конкретным правителем.

¹⁹ Карлейль Т. Свод житейской мудрости. URL: <http://www.wisdomcode.info/ru/quotes/authors/49182.html?page=3>.

²⁰ Моруа А. Цитаты, афоризмы, высказывания. URL: <http://citaty.info/man/andre-morua>.

²¹ Дизраэли Б. [Афоризмы]. URL: <http://burdelov.narod.ru/aforismoframeset.html>.

В политическом портрете сосредоточена информация о политическом лидере, который имеет набор разнообразных идей и взглядов, отражающих определенную социальную, общественную или политическую позицию. В портрете, как правило, выделяются характерные ценностные установки, широко распространенные в обществе и способные консолидировать население, а значит, давать возможность власти прогнозировать модели поведения и деятельности общества. Различают четыре основных типа политического портрета: политико-идеологический (политико-мировоззренческий), политико-психологический, исторический, политическая биография²². Политический портрет, являясь частью биографии, фокусирует внимание на общественно-политической деятельности человека, преломляя факты из его жизни через призму общественной и социальной значимости личности. В политико-идеологическом портрете отражаются мировоззренческие взгляды человека, определившие его социальный и политический статус в обществе. Именно политико-идеологический портрет лидера стал одним из самых распространенных типов политического портрета советской поры.

Начало было положено первыми портретами вождя мирового пролетариата В. И. Ленина, созданными современниками драматических революционных событий в России. Один из первых таких портретов дал американский журналист Джон Рид в ставшем впоследствии классическим произведении о русской революции и ее вождях. Вышедшая в США в 1919 г. книга Рида «Десять дней, которые потрясли мир»²³ потрясла, в свою очередь, американскую аудиторию яркими образами революционеров взбунтовавшейся России. Ленин, «с большой лысой и выпуклой, крепко посаженной головой», с маленькими глазами и крупным носом, с видимой небритостью, среди ликующей толпы солдат и матросов, в потертом костюме и не по росту длинных брюках, показан революционным романтиком и выпускником Гарварда Ридом как необыкновенный народный вождь «благодаря своему интеллекту». Ридовский Ленин – кумир толпы: «Простой, любимый и уважаемый так, как, быть может, любили и уважали лишь немногих вождей в истории» и одновременно «чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твердый, непреклонный, без эффектных пристрастий»²⁴.

Подмеченные американским репортером особенности личности русского лидера и его влияние на массы в последующих политических портретах вождя начнут развиваться, наполняться новым идеологическим содержанием, обрастать мифами, создавая своеобразную «лениниану». Но во всех этих портретах, как по шаблону, будут повторяться две главные черты, подмеченные Ридом: простота народного вождя, с одной стороны, и необыкновенная искренняя любовь масс к нему – с другой.

Не работающие, как сегодня сказали бы, на имидж вождя характеристики не акцентировались, оставаясь в тени. Например, впоследствии авторы воспоминаний, портретных зарисовок не писали ни о потертом костюме вождя, ни о его маленьких глазах и крупном носе; наоборот, видевшие Ленина писали о глубоком взгляде вождя, о его необычайной скромности, и потертый костюм превращался в достоинство главы огромного государства, символ его безграничной скромности.

Со временем портреты политических деятелей советской эпохи претерпели ряд изменений: от объективного описания современников через мифологизацию, героизацию до карикатурного, гротескного и рекламного портрета.

²² Рыскова Т. М. Политический портрет лидера: вопросы типологии // Вестн. Московского ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1997. № 3.

²³ Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир / пер. с англ. А. И. Ромма. М.; Л., 1930.

²⁴ Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир / пер. с англ. А. И. Ромма. М.; Л., 1930. с. 135.

Манипулирование общественным сознанием – важная часть государственного управления, и представления о политических деятелях своей эпохи, особенно о первых лицах государства, – составная часть управленческого воздействия на общество. Манипулирование обществом – универсальное средство воздействия на массы. Использование политического портрета тех или иных личностей в качестве инструмента манипуляций стало распространенной моделью влияния как на индивидуальное, так и на коллективное восприятие событий, реалий жизни.

Сюжет-мистификация «Ленин – гриб» Сергея Курехина и Сергея Шолохова на Ленинградском телевидении (начало 1991 г.) – один из ярких примеров развенчания мифологизированного образа вождя мирового пролетариата. Очевидная, казалось бы, неправдоподобность изложенного в телевизионном эфире абсурдного тезиса о том, что Ленин долгое время употреблял галлюциногенные грибы, в результате чего сам превратился в гриб и совершил Октябрьский переворот 1917 г., вызвал у части телевизионной аудитории улыбку, у другой посеял сомнения в правоте авторов сюжета, а некоторых подвиг на поход в Ленинградский обком партии к секретарю по идеологии.

Так, один и тот же десятилетиями используемый посыл о скромности вождя привел к тому, что зритель конца XX в. спокойно проглотил рассказ о «грибной диете» вождя, и лишь слегка встревожился результатом употребления этого продукта.

Политический портрет видного представителя правящей элиты, в котором запечатлены яркие страницы его жизни, служит важным механизмом, связывающим отдельные социальные группы общества друг с другом посредством выработки общих взглядов на мир, ответов на сложные вопросы действительности. Во все времена людям были необходимы такие представления, которые скрепляли бы социальные группы, отражая их коллективное видение различных явлений, обычаев, верований, поступков окружающих. Идеи, разделяемые и укоренившиеся в той или иной социальной группе, преследуют, порой неосознанно, определенные политические цели и имеют под собой часто слабо скрываемые материальные интересы. Политические биографические портреты советских вождей точно вписываются в эту парадигму, так как в них были отражены идеологические представления о жизни человека – трудолюбивого, скромного, порой даже аскетичного, хлебнувшего горя и страданий, но, несмотря на трудности, добившегося всего благодаря преданности общему делу, вере в «светлое будущее» страны и прошедшего длинную лестницу комсомольской и партийной работы. По такому шаблону публиковались официальные политические биографии почти всех советских вождей, начиная с Ленина и заканчивая Черненко.

В политическом представлении вождей всегда указывался социальный статус семьи, в которой был рожден вождь, – в семье инспектора народных училищ / бывшего крепостного крестьянина / сапожника / шахтера / рабочего / железнодорожного инженера и учительницы музыки / украинских крестьян (подобное указание на происхождение осталось и в статьях Википедии, почти полностью дублирующих сведения из советских биографий). Лишь Л. Троцкий родился в семье богатых землевладельцев-арендаторов. Надо отметить, что сам вождь октябрьского пролетарского переворота 1917 г. всячески пытался скрывать свое непролетарское происхождение, затеняя его трудностями сельской жизни его семьи. В мемуарах «Моя жизнь» Троцкий постоянно подчеркивал тяжелую трудовую жизнь своих родителей: «Отец мой был земледельцем, сперва мелким, затем более крупным», «неутомимым, жестоким, беспощадным к себе и к другим трудом первоначального накопления отец мой поднимался вверх»²⁵.

В целом трудовая рабочая биография также являлась важнейшим компонентом в политическом портрете советского вождя. Ленин, хоть и был исключен из Казанского универси-

²⁵ Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии: в 2 т. М., 1990. Т. 1. с. 22.

тета, давал частные уроки. Брежнев начал трудовую деятельность в 15 лет, Андропов работал киномехаником. Если же у руководителя не было ранней рабочей биографии, то она равнозначно замещалась ранней революционной борьбой (у Сталина, Троцкого, Маленкова, Черненко).

Особый вариант политического портрета, который давался по окончании жизни лидера, – некролог, посвященный памяти ушедших товарищей. В нем, опять-таки по шаблону, подводились итоги жизни человека. В редакциях центральных газет (как рассказывали в частных беседах главные редакторы газет советской эпохи автору этой публикации) на случай ухода того или иного политического руководителя были заранее заготовлены черновики некрологов, в которые необходимо было внести в день публикации лишь список подписей официальных лиц. Неслучайно в некрологах, опубликованных по случаю смерти Л. И. Брежнева²⁶ и Ю. В. Андропова²⁷, использовались одни и те же слова о невосполнимой утрате «борца за мир и коммунизм». Похоронный ритуал соблюдался не только в самой процедуре погребения – существовал и своего рода вербальный ритуал, сформировавшийся за время правления советских лидеров.

Роль личности в истории, как известно, оценивается учеными по-разному. Одни считают личность «главным локомотивом» исторического развития, другие не отводят человеку столь видное место. В данном случае нам важно подчеркнуть: социальный статус во многом определяет влияние личности. В России роль правителя в течение многих столетий была преувеличена, роль маленького человека, обывателя – незаметна.

Попытки изучения роли отдельной личности периодически предпринимались исторической наукой в XX в. В 1919 г. в Наркомпрос даже был представлен проект создания Биографического института, целью которого ставилось систематическое всестороннее научное изучение биографий. Проект не получил поддержки и развития в силу нецелесообразности и дороговизны содержания²⁸. В то же время стремление использовать биографии известных людей в политических, воспитательных целях стало неотъемлемой частью пропаганды советской поры. В СССР появились целые серии биографий, которые выпускали центральные издательства: «Госполитиздат» (позднее называвшийся «Политиздатом»), «Молодая гвардия», «Мысль», «Наука», «Искусство». В биографиях ученых, деятелей культуры, писателей или революционеров советской поры важнейшим элементом был исторический портрет. Составными частями портрета выступали: исторический очерк о жизненном пути героя с фокусировкой на его отношении к бурным революционным событиям начала прошлого века, к людям, которые встретились ему на разных жизненных отрезках и оказали влияние на его идейные взгляды, поступки, решения. Определенная политизированность всегда присутствовала в историческом портрете как крупного политического деятеля любой эпохи, так и личности, прямо не связанной с властью и государством.

К составлению психологического политического портрета, или политико-психологического портрета²⁹, советских вождей «портретисты» той поры подходят, на наш взгляд, лишь в 1980-е гг. Это происходит на волне новых веяний в обществе и требований переосмотра устаревших пропагандистских концепций. Именно тогда появляются портреты вождей в исторической науке, написанные Д. Волкогоновым³⁰, М. Геллером³¹, А. Некричем³²,

²⁶ Правда. 1982. 12 нояб.

²⁷ Правда. 1984. 11 февр.

²⁸ Эткин А. М. Биографический институт. Неосуществленный замысел Н. А. Рыбникова // Лица. М.; СПб., 1996. № 7. с. 421–424.

²⁹ Рыскова Т. М. Политический портрет лидера: вопросы типологии // Вестн. Московского ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1997. № 3.

³⁰ Волкогонов Д. Вожди: Трилогия. Сталин: в 2 т. М., 1996; Троцкий: в 2 т. М., 1994; Ленин. Политический портрет. Кн. 1 и 2. М., 1994; Семь вождей. Галерея лидеров СССР: в 2 кн. М., 1995.

А. Яковлевым³³, Р. Медведевым³⁴, а в художественной литературе и на телевидении привлекают к себе внимание историко-публицистические рассказы-портреты писателя и драматурга Э. Радзинского³⁵.

Подобный тип политического портрета предоставлял возможность для новой по содержанию социальной коммуникации внутри различных социальных групп, так как давал информацию о вождях уже иначе, показывая их не небожителями, а людьми, переживавшими эмоциональные всплески, имевшими слабости и недостатки. Произошла некоторая дегероизация, очеловечивание вождей. Авторы подобных портретов стремились показать особенный психологический тип личности вождя, выявить своеобразие психоэмоционального склада его характера, объяснить его поступки и действия через темперамент, эмоциональное состояние, чувства и переживания. Ведь не стоит забывать, что мечты человечества о лучшей жизни существовали во всяком сообществе людей во все времена, поэтому лидер, бравшийся реализовать подобное стремление, должен был обладать особыми качествами.

Предсказания, надежды на осуществление которых связывались с лидерами, вынуждали создателей портретов идеализировать своих героев и наделять их теми качествами, которыми они должны были обладать, но которых на самом деле у них не было. Психологический портрет вождя с новыми «человеческими» качествами, с одной стороны, приближал его к обывателю, а с другой – вновь подтверждал уникальность личности, сумевшей сочетать все противоречивые и подчас взаимоисключающие качества.

Вербальная коммуникация давала возможность дорисовать образ вождя, опираясь на воображение. Невербальная коммуникация до определенного момента не играла существенной роли в восприятии политического лидера. Но развивающиеся технологии изменили формы общения вождя и народа. Власти необходимо было искать новые пути в налаживании коммуникации с обществом. И в жизнь политического портрета на смену живописным портретам и скульптурам пришла сначала документальная съемка, а затем игровое историческое кино, в которых политический лидер был «прекрасен» во всех отношениях.

Взять хотя бы портреты «любимых народом» вождей, запечатленных в советском кино. Роль политического вождя доверялась лишь тем актерам, которые могли воплотить на экране незабываемый, вызывающий восхищение и уважение у зрителей идеальный образ. Ленин в исполнении М. Ульянова, А. Калягина, К. Лаврова и Сталин в исполнении М. Геловани и А. Кобаладзе. Ленин из невысокого сутуловатого невзрачного человека превращался в подтянутого, стройного, обаятельного, душевного интеллигента. А М. Геловани, который был намного выше «отца народов», обладал брутальной внешностью и элегантной походкой, сумел сформировать у советского зрителя яркий запоминающийся образ красивого высокого вальяжного кавказского мужчины без землистого цвета кожи, без уродующих внешность шрамов от оспы у реального прототипа. Зритель видел мудрого, неторопливого и справедливого кормчего.

В политических портретах лидеров XX в. можно проследить и смену поколений вождей. Коммуникация между различными поколениями имеет свои особенности. В совет-

³¹ Геллер М., Некрич А. История России 1917–1995. Т. 1. Утопия у власти 1917–1945; Т. 2. Утопия у власти 1945–1985; Т. 3. Седьмой секретарь 1985–1990. М., 1996.

³² Волкогонов Д. Вожди: Трилогия. Сталин: в 2 т. М., 1996; Троцкий: в 2 т. М., 1994; Ленин. Политический портрет. Кн. 1 и 2. М., 1994; Семь вождей. Галерея лидеров СССР: в 2 кн. М., 1995.

³³ Яковлев А. Н. Омут памяти: От Столыпина до Путина. М., 2001.

³⁴ Медведев Р. Политические портреты. Ставрополь, 1990; Они окружали Сталина. М., 1990; Личность и эпоха. Политический портрет Л. И. Брежнева. Кн. 1. М., 1991; Генсек с Лубянки. М., 1993; Чубайс и ваучер. М., 1997; Юрий Андропов: неизвестное об известном. М., 2004; Загадка Путина. М., 2000; Дмитрий Медведев: двойная прочность власти. М., 2009; Борис Ельцин. Народ и власть в России в конце XX века. М., 2011; Время Путина. М., 2014.

³⁵ Радзинский Э. Сталин. М., 1997; Апокалипсис от Кобы. Иосиф Сталин. Последняя загадка. Война, ее начало и... М., 2000; Николай II: жизнь и смерть. М., 1997.

ский период давление молодого поколения вождей на старую закаленную гвардию снялось репрессиями и войной, унесшими в небытие значительную часть и одних, и других. В то же время оставшаяся часть политической элиты стремилась не просто сохранять высокий социальный статус, но быть недостижимой для новых поколений в силу своих прошлых героических заслуг перед страной. Молодые политические вожди должны были пройти суровую школу взросления. Типичным молодым и энергичным вождем и наследником стал Киров, а убийство придало его образу ореол героя-мученика, занявшего одно из почетных мест в символическом советском пантеоне. Киров не покидал, однако, и мир живых, поглядывая на них с портретов, которые вывешивались на фасадах административных зданий многих провинциальных городов России. При этом как-то забывалось то, какие «революционные подвиги» за недолгое свое правление в качестве первого секретаря в Ленинграде совершил бравый уржумский чертежник.

Подводя итог, можно сказать, что политический портрет вождей советского периода чаще всего не отражал реального человека, он служил лишь каналом для передачи определенной информации от власти к людям, создавая иллюзию соприкосновения с вождем, а значит, и иллюзорной причастности человека к управлению страной. Сопереживание, единство эмоций и чувств вождя и народа являлись стержнем психологических портретов вождей, созданных актерами в театре, кино, а затем и на телевидении. Кинематографический вождь легко входил в жизнь советского человека понятными словами, чувствами, переживаниями, проникая глубоко в его сознание.

Политический портрет советских вождей различного уровня и статуса представлял собой разновидность идеологической пропаганды, рассчитанной не только на представителей малограмотных и необразованных слоев общества, но и на тех, кто получил университетское образование. Он воздействовал благодаря правильно выстроенному манипулированию сознанием. Известно, что изображение – это наследник в восприятии действительности и инструмент формирования иллюзий – иллюзии присутствия изображаемого объекта, иллюзии сокращения дистанции до него, повышения его ценности. Об опасности иллюзорного восприятия предупреждала знаменитая Сьюзен Сонтаг: «Индустриальное общество подсаживает своих граждан на картинки. Это самая непреодолимая форма психического загрязнения»³⁶.

Е. Л. Варустина

Литература и источники:

1. *Волкогонов Д.* Вожди: Трилогия. Сталин: в 2 т. М., 1996; Троцкий: в 2 т. М., 1994; Ленин. Политический портрет. Кн. 1 и 2. М., 1994; Семь вождей. Галерея лидеров СССР: в 2 кн. М., 1995.
2. *Геллер М., Некрич А.* История России 1917–1995. Т. 1. Утопия у власти 1917–1945; Т. 2. Утопия у власти 1945–1985; Т. 3. Седьмой секретарь 1985–1990. М., 1996.
3. *Дизраэли Б.* [Афоризмы]. URL: <http://burdelov.narod.ru/aforismoframe-set.html>.
4. *Карлейль Т.* Свод житейской мудрости. URL: <http://www.wisdomcode.info/ru/quotes/authors/49182.html?page=3>.
5. *Медведев Р.* Политические портреты. Ставрополь, 1990; Они окружали Сталина. М., 1990; Личность и эпоха. Политический портрет Л. И. Брежнева. Кн. 1. М., 1991; Генсек с Лубянки. М., 1993; Чубайс и ваучер. М., 1997; Юрий Андропов: неизвестное об известном. М., 2004; Загадка Путина. М., 2000; Дмитрий Медведев: двойная прочность власти. М., 2009; Борис Ельцин. Народ и власть в России в конце XX века. М., 2011; Время Путина. М., 2014.
6. *Моруа А.* Цитаты, афоризмы, высказывания. URL: <http://citaty.info/man/andre-morua>.

³⁶ Сонтаг С. О фотографии. М., 2013. с. 39.

7. Правда. 1982. 12 нояб.
8. Правда. 1984. 11 февр.
9. *Радзинский Э.* Сталин. М., 1997; Апокалипсис от Кобы. Иосиф Сталин. Последняя загадка. Война, ее начало и... М., 2000; Николай II: жизнь и смерть. М., 1997.
10. *Рид Дж.* Десять дней, которые потрясли мир / пер. с англ. А. И. Ромма. М.; Л., 1930.
11. *Рыкова Т. М.* Политический портрет лидера: вопросы типологии // Вестн. Московского ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1997. № 3.
12. *Сонтаг С.* О фотографии. М., 2013.
13. *Троцкий Л.* Моя жизнь. Опыт автобиографии: в 2 т. М., 1990. Т. 1.
14. *Эткинд А. М.* Биографический институт. Неосуществленный замысел Н. А. Рыбникова // Лица. М.; СПб., 1996. № 7.
15. *Яковлев А. Н.* Омут памяти: От Столыпина до Путина. М., 2001.

Превратности Великой войны (1914–1918)

На протяжении многих лет события Первой мировой войны в России были оттеснены другими не менее значимыми событиями: Февральская и Октябрьская революции, Гражданская война... Практически не вспоминали павших в годы Первой мировой войны. А их было около 700 тыс., около 2 млн 600 тыс. были ранены³⁷. В настоящее время явно заметен возрождающийся интерес к событиям 1914–1918 гг. Это отрадно и неудивительно. Невнимание к изучению периода Первой мировой войны привело к значительным искажениям в сознании общества, жившего в плену сформированных советской историографией стереотипов восприятия этой войны как несправедливой, империалистической и захватнической.

Война, как предполагалось, объединит страну для решения важнейших задач защиты государственности, не даст возможность аннулировать результаты трехсотлетней истории Российской империи. Но война только усилила глубокий внутренний раскол в обществе.

Россия держалась достойно, но, к сожалению, испытание войной не выдержала. Пророческой оказалась мысль о смертельной опасности для России военных действий, изложенная в записке министра П. Н. Дурново государю перед началом этой трагедии³⁸. П. Н. Дурново буквально предсказал последствия войны³⁹ (некоторые его предсказания сбылись в конце XX в.). Против войны высказывались известные люди того времени. Достаточно назвать двух российских государственных деятелей, которым судьба России была небезразлична, – П. А. Столыпина и С. Ю. Витте. «Россия первая очутится под колесом истории, – предвидел С. Ю. Витте. – Она расплатится своей территорией за эту войну. Она станет ареною чужеземного нашествия и внутренней братоубийственной войны... Россия не может и не должна воевать»⁴⁰.

Царское правительство прекрасно понимало, что Россия не готова к войне. Предпринимались титанические усилия, чтобы не втянуть Россию в нее. Для решительного столкновения с Германией и Австро-Венгрией необходима была отсрочка хотя бы до 1916–1917 гг., когда ожидалось выполнение программ по усилению армии и флота, разработанных в 1913 г. Но надежды на разработанные генштабом планы быстрого разрешения конфликта с Германией, давление со стороны западных союзников, уступка представителям «партии войны» из военно-промышленных кругов и, главное, геополитические интересы России, невозможность потерять прибалтийские приобретения Петра I, а на юге – черноморские владения до Крыма, – все названное заставило Николая II принять непростое решение о вступлении в войну. Это не было бездумным самопожертвованием. Россия защищала себя, свои национальные интересы.

Большинство политических сил поддержало войну и включилось в патриотическую пропаганду. Многие рассматривали войну со стороны России как оборонительную и справедливую, видя в ней реальную угрозу целостности и культурной самобытности, надеясь, что с уничтожением германского милитаризма с войнами будет навсегда покончено, т. е. фактически разделяли взгляды международного сообщества. Член ЦК кадетской партии профессор Н. А. Гредескул уже в первые месяцы войны писал, что «вся нынешняя война есть война за мир и притом вынужденная презрением к миру германских насильников»⁴¹.

³⁷ Поляков Ю. А. Население России в XX веке: исторические очерки. М., 2000.

³⁸ Записка Дурново // Красная новь. 1922. № 6.

³⁹ Ганелин Р. Ш., Флоринский М. Ф. Российская государственность и Первая мировая война // Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению: сб. статей. М., 1997. с. 7–8.

⁴⁰ Троцкий И. С. Ю. Витте и мировая война // Дни. 1924. 27 июля.

⁴¹ Биржевые ведомости. 1917. 28 сент.

Либеральная интеллигенция в своих публикациях и в устных выступлениях пыталась придать «идейный» смысл войне, обосновать ее необходимость. Как позднее вспоминал П. Н. Миллюков, «даже приемля войну, они считали необходимым оправдать ее в более возвышенном смысле и искали компромисс между пацифистскими убеждениями и печальной действительностью. В этих попытках примирить оправдание массового убийства с голосом человеческой совести нельзя было не принять основной идеи»⁴².

Публикаций, посвященных непосредственно целям войны, было значительно меньше. Они появлялись на страницах газет «Утро России», «Речь», «Биржевые ведомости», в других изданиях. В них разъяснялась необходимость для России укрепления стратегических позиций, усиления политического и экономического лозунга и защиты малых народов. Дальнейший экономический и культурный прогресс России рассматривался большинством только через успешное завершение войны, поэтому лозунг «Война до победного конца!» получил поддержку большинства.

Патриотический подъем был бесспорен. Не случайно вначале эту войну называли «Второй отечественной». Через месяц после начала войны прокатная фирма «Фильмотека» выпустила фильм «Священная война». Одновременно русские литераторы организовали специальный выпуск «Библиотеки Великой войны», в которую вошли работы известных авторов⁴³.

В крупных городах отмечалось огромное количество манифестаций и шествий в поддержку войны. Проходили молебны о победе над врагом и за здоровье призванных на фронт. Тысячами копий тиражировались лубочные картинки и патриотические плакаты, высмеивавшие немцев. Отмечались немецкие погромы. На волне антигерманских настроений Санкт-Петербург был переименован в Петроград. Многие записывались на военную службу или шли на завод делать снаряды. Призывные пункты были переполнены. Добровольцами на войну уходили юноши из аристократических семей. Например, граф А. А. Бобринский, будучи студентом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, в 1914 г. оставил учебу и ушел на фронт⁴⁴. Среди добровольцев были В. В. Вересаев, С. Черный, Б. В. Савинков и др. «Мы обязаны одолеть врага, – отмечал Ф. К. Сологуб. – Это наш долг перед человечеством, так как мы боремся за его свободу»⁴⁵.

Многие девушки работали в госпиталях и санитарных поездах. Пример подавала императрица Александра Федоровна и ее старшие дочери Ольга и Татьяна, проводившие многие часы в госпиталях, помогая раненым и тем самым соединяя себя со страданиями России.

Солдаты писали родным с фронта письма, в которых одновременно с обсуждением домашних событий речь шла о готовности сражаться до последнего и умереть за веру и Отчизну, при этом забывались и тяготы военной службы, и нехватка провизии, и тяжелые условия, в которых проходили боевые действия.

С началом войны, казалось, были забыты старые обиды и распри, исчезали разногласия между социальными группами, между властью и обществом. Оппозиция царского правительства, от князя Г. Е. Львова до А. Ф. Керенского и Г. Ф. Плеханова, провозгласила свое примирение с царизмом. Так, в воззвании кадетского ЦК, опубликованного в «Русских ведомостях», указывалось: «Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства... прямой долг – сохранить нашу Родину единой... и не разделенной и удержать за ней то положение в ряду мировых держав, которое оспаривается у нас врагами. Отложим же внутренние споры, не дадим ни малейшего повода надеяться на разделяющие нас разно-

⁴² Миллюков П. Н. Воспоминания. М., 2001. с. 393.

⁴³ Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного colloquium. СПб., 1999. с. 75.

⁴⁴ Жерихина Е. И. Усадьбы устья реки Мойки. СПб., 2011. с. 50.

⁴⁵ Русские ведомости. 1915. 6 нояб.

гласия и будем твердо помнить, что теперь первая и единственная задача наша поддержать борцов верой в правоту нашего дела, спокойной бодростью и надеждой на успех нашего оружия»⁴⁶.

Избранная тактика по отношению к царскому правительству базировалась на уверенности, что война продлится недолго, не более девяти месяцев. Прогнозы прессы были оптимистичны; писалось о высоком качестве русских орудий и боеспособности войск, о стабильном финансовом положении державы, о поддержке союзников – все это вселяло надежду на быструю победу. «Хотя война воспринималась крайне абстрактно, – писал В. Б. Станкевич, – как арифметическая задача, как техническая проблема, но все же оптимистические цифры и факты невольно будили какие-то гордые ощущения силы коллектива, невольно рождали мысль: а что, если бы эту силу опустить на голову зазнавшемуся пруссачеству?»⁴⁷. О возможных последствиях конфликта в официальной пропаганде речь не шла. «Конечно, – отмечал В. Набоков, – никто из политических деятелей не отдавал и не мог себе отдавать отчет в том, во что Европу превратит война и что она сделает с Россией. И прежде всего, ни один человек на свете не поверил бы, если бы ему сказали в 1914 г., что тогдашние тринадцатилетние дети окажутся участниками войны, что через четыре года она будет в полном разгаре и что к этому времени будет мало надежды на сколько-нибудь близкий ее конец»⁴⁸. Вместо быстрой и скорой победы до Рождественских праздников 1914 г. реальностью стала тяжелая кровопролитная война.

Поэтесса Зинаида Гиппиус написала в сентябре 1914 г.: «Острая мгла повисла над Россией летом. С приходом осени этот туман приобрел красный отсвет и стал еще более горьким... Общая беда не объединяет, а только делает ее более горькой»⁴⁹.

Как только выяснилось, что война затягивается (первые известия о неблагоприятии на фронте стали приходить в Россию в январе 1915 г.), энтузиазм, вызванный войной, спал. Возникло множество непредвиденных трудностей. В войсках не хватало оружия, патронов и снарядов, фуража. За это пришлось расплачиваться жизнями и кровью русских офицеров и солдат. Раненые солдаты и солдаты, приезжавшие в отпуск, жаловались на плохое обмундирование, холод и жестокое обращение офицеров. В тылу и на фронте поползли слухи об измене в верхах, о связи Распутина с царицей, о сверхприбылях и коррупции. Солдаты с фронта писали письма примерно следующего содержания: «Класть свою голову за то, что другие набивают карманы, за то, что на каждом шагу измена, и в такую войну стремиться на фронт, быть патриотом глупо»⁵⁰. Эти слухи наносили непоправимый ущерб авторитету царя. Они были очень упорны и, что всего хуже, комментировались среди нижних чинов с фантастическим преувеличением. Все это заметно охладило те патриотические чувства, которые, казалось бы, сплотили все слои населения России в начале войны. В обществе росло разочарование в возможностях правительства, не только не сумевшего использовать дружного единения населения, его воодушевлявшего, но оказавшегося беспомощным для ведения длительных кровопролитных военных действий с сильным, воинственным и энергичным противником.

К этому времени ситуация в стране достигла критической точки. Стало ясно, что примирение с правительством невозможно. Кадеты выдвинули идею создания правительства «народного доверия», считая, что привести страну к победе может только сильная, твердая и деятельная власть. Вокруг этой идеи сплотилось большинство думских фракций, кроме

⁴⁶ Русские ведомости. 1914. 22 июля.

⁴⁷ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919. М., 1994. с. 13.

⁴⁸ Архив русской революции. Т. 1–2. М., 1991. с. 53.

⁴⁹ Гиппиус З. Синяя книга: петербургский дневник. 1914–1918. Белград, 1929. с. 14.

⁵⁰ Политические партии и общество в России 1914–1917 гг.: сб. статей и документов. М., 2000. с. 111.

крайне правых и крайне левых. В Думе была создана межпартийная коалиция, получившая название Прогрессивного блока. Борьба с правительством была возобновлена. Оппозиция видела в государственной власти преимущественно отрицательную величину, с которой невозможно договориться, которую невозможно реформировать, которую можно было только уничтожить.

Авторитет власти резко упал. Политически активная часть общества отказала правительству в доверии. В 1915–1916 гг. в обществе наблюдалось сильное раздражение политической властью. Части населения стало казаться, что война сознательно затягивается; например, рабочий Путиловского завода в 1916 г. пишет: «Война надоела всем, но есть люди, которые благодаря такому несчастью получают огромные оклады и ни за что – медали, кресты и прочие награды, а от боев находятся в нескольких десятках верст. У тех одна мечта, как бы дольше продлилась война»⁵¹.

Для народа затяжная война значительно снизила уровень жизни. Российская промышленность работала в основном на оборону, производство товаров народного потребления стало второстепенным. Катастрофически не хватало вещей, необходимых для быта. Цены на все были беспредельными. Ощущался нарастающий топливный и транспортный кризис. Перегрузка железных дорог привела к перебоям в снабжении продовольствием, в первую очередь крупных городов. Очереди за продуктами питания стали обычным явлением. Повышение налогов и сборов вызывало у народа ощущение, что у него отнимают последнее. Офицеры и солдаты забрасывали правительство письмами с фронта, негодуя по поводу бедственного положения своих семей, оставшихся в тылу и живущих впроголодь. Стало набирать силу забастовочное движение. Эти трудности народ волновали гораздо больше, чем «непонятная» война, которая превращалась во что-то повседневное, просто мешающее обычной жизни. М. М. Пришвин, посетивший фронт в феврале 1915 г., был глубоко потрясен увиденным и не мог привыкнуть к тому, что в тылу он встречал людей, «в большинстве случаев рассуждающих о какой-нибудь частности»⁵². Народом война стала восприниматься как что-то ненужное и навязанное.

В сложившейся ситуации как никогда необходимо было объединить все силы, организовать все ресурсы гигантской страны и пытаться сохранить и поддержать возникшие в народе с началом войны чувства национального единства, патриотизма, направить все усилия на ведение войны. Нужна была идея, способная сплотить общество на максимально длительный срок. Это была жизненно важная задача. Вместо этого политические силы страны, и правые, и левые, забыв о собственном Отечестве, противостояли правительству, дискредитируя монарха, генералов. При таком раскладе сил было практически невозможно победить. Только с марта по октябрь 1917 г. в отставку были отправлены 374 генерала – представителей высшего армейского руководства отправляли в отставку с легкостью. Три раза сменили верховного главнокомандующего. Не позволили вернуться после отречения Николая II на пост верховного главнокомандующего опытному военачальнику, Великому князю Николаю Николаевичу. Только около трех месяцев занимал этот пост другой талантливый генерал – М. В. Алексеев. Сменивший его А. А. Брусилов через два месяца также был отстранен от должности. А. А. Брусилова сменил генерал Л. Г. Корнилов. Такого противостояния не было ни в одной стране мира.

Пропагандистская работа в пользу продолжения войны значительно ослабла. Через год после начала войны даже лубочная литература, посвященная военной тематике, практически исчезла с прилавков⁵³. Кино, школа, церковь, театр не занимались пропагандой военных

⁵¹ Политические партии и общество в России 1914–1917 гг.: сб. статей и документов. М., 2000. с. 113.

⁵² Пришвин М. М. Дневники. М., 1990. с. 70.

⁵³ Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного colloquium. СПб., 1999. с. 312.

усилий страны. Для политических сил, преследующих свои интересы, пропаганда становилась не главной. Более того, стала появляться большевистская антивоенная пропаганда. Так, в 1915 г. А. М. Коллонтай написала брошюру «Кому нужна война» (переиздана в июле 1917 г.)⁵⁴. Власти практически не уделяли внимания пропагандистской работе. Хотя нужно было через все имеющиеся каналы доносить до населения мысль о том, что война касается всех и каждого, что все должно работать на победу. Вместо этого в газетах можно было увидеть только скудную хронику событий войны, тонущую в бессмысленной рекламе. Ни слова об усилиях страны для победы, ни слова об обычном человеке. А необходимо было просто рассказать правду о солдате на войне, о самой войне со всей ее трагичностью. Это никого не могло бы оставить равнодушным. Народ должен был чувствовать себя не гарниром к основному блюду, которое где-то жарится, а участником событий, сопереживать тому, что происходит в стране. Но этого не было.

Сохранившиеся воспоминания, дневники, письма свидетельствуют об одинаковом восприятии событий: патриотический подъем с началом войны, затем тема войны пропадает и возникает опосредованно в форме критики власти к концу 1916 и в начале 1917 г. из-за резкого ухудшения экономического положения и перебоев в снабжении.

Следующий момент: в ситуации войны нужно было максимально ограждать армию от политического влияния. Но картина была совершенно противоположной. Представители различных партий выступали в воинских частях столичного Петроградского гарнизона и в действующей армии. Воздействие на солдат оказывалось также через партийных агитаторов, направляемых на фронт. Велась пропагандистская работа с членами солдатских делегаций, прибывавших с фронта. Этой деятельностью занимались все без исключения политические партии. Политические дискуссии, особенно в период с февраля по октябрь 1917 г., приводили только к деморализации армии.

Другой формой партийной агитации было распространение среди солдат листовок, брошюр, газет, плакатов и т. д. Повсеместное распространение получили пацифистские лозунги и идеи. В антивоенной пропаганде усердствовали большевики и эсеры, разлагавшие армию изнутри. Заметим, эсеры имели богатый опыт пропагандистской работы среди солдат. Еще в период первой русской революции большую популярность получили их периодические издания «Народная армия» и «За народ». Большое значение для популярности эсеров имело их революционное прошлое. Но большевики были еще более активны. Они встречались с солдатами практически ежедневно, проводя с ними беседы и обеспечивая антивоенной литературой. Однако не стоит преувеличивать влияние большевиков и эсеров. Главнокомандующий армиями Западного фронта генерал-лейтенант А. И. Деникин отмечал: «Позволю себе не согласиться с мнением, что большевизм явился решительной причиной развала армии: он нашел лишь благодатную почву в систематически разлагаемом и разлагающемся организме»⁵⁵. Усталость от войны, усиленная антивоенной пропагандой, привела к тому, что солдаты и младшее офицерство начали отказываться от ведения боев, участились случаи неподчинения приказам и дезертирства. Избивались и арестовывались офицеры, служившие на командных должностях⁵⁶. Усилились пораженческие настроения. Солдаты добровольно сдавались в плен, сознательно получали ранения – лишь бы вернуться домой. Войска оставляли свои позиции. Все чаще стали происходить случаи стихийного братания с солдатами противника, в них фронтовики видели обычных людей, в силу обстоятельств оказавшихся в окопах с противоположной стороны поля боя. Открытая пропаганда

⁵⁴ Абросимова Т. А., Бондаревская Т. П., Лейкина Е. Т., Черняев В. Ю. Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003. с. 44.

⁵⁵ Деникин А. И. Очерки русской смуты: в 5 т. Т. 1. М., 1991. с. 137–138.

⁵⁶ Абросимова Т. А., Черняев В. Ю., Рабинович А. Петербургский комитет РКП(б) в 1918 году. Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2013. с. 12.

братания на фронте активно использовалась большевиками. На Седьмой (апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) поддержка братания солдат на фронте рассматривалась как важная задача большевистской пропаганды; указывалось на необходимость «превратить это стихийное проявление солидарности угнетенных в сознательное и возможно более организованное движение»⁵⁷. Временное правительство не предпринимало никаких активных действий для пресечения этого негативного явления в войсках. В то же время противники активно использовали братание для разведывательных целей.

Если до Февральской революции антивоенные выступления не носили массового характера, то после свержения самодержавия вседозволенность захлестнула Русскую армию, как, впрочем, и всю Россию. Боевой дух солдат был фактически уничтожен. Вкусившие бескрайнюю демократизацию армии солдаты не хотели продолжения войны, на смену патриотизму начала войны пришли усталость и равнодушие. Ненависть к внешнему врагу постепенно угасала, а ее место заняло неприятие власти. Если учесть нестабильность в обществе, исход войны был предопределен.

В итоге война серьезно изменила состав армии, настроения в ней, ослабила позицию самодержавия и приблизила революцию.

Сбылись самые страшные прогнозы С. Ю. Витте: «Россия расплатится своей территорией за эту войну». Россия действительно потеряла Польшу, Литву, Латвию, часть Белоруссии. Она должна была демобилизовать армию и передать Германии корабли Черноморского флота, выплатить денежную контрибуцию.

Властные и политические амбиции слишком дорого обошлись России.

Т. А. Абросимова

Литература и источники:

1. *Абросимова Т. А., Бондаревская Т. П., Лейкина Е. Т., Черняев В. Ю.* Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003.
2. *Абросимова Т. А., Черняев В. Ю., Рабинович А.* Петербургский комитет РКП(б) в 1918 году. Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2013.
3. Архив русской революции. Т. 1–2. М., 1991.
4. Биржевые ведомости. 1917. 28 сент.
5. *Ганелин Р. Ш., Флоринский М. Ф.* Российская государственность и Первая мировая война // Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению: сб. статей. М., 1997.
6. *Гиппиус З.* Синяя книга: петербургский дневник. 1914–1918. Белград, 1929.
7. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты: в 5 т. Т. 1. М., 1991.
8. *Жерихина Е. И.* Усадьбы устья реки Мойки. СПб., 2011.
9. Записка Дурново // Красная новь. 1922. № 6.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Т. 1. М., 1970.
11. *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 2001.
12. Политические партии и общество в России 1914–1917 гг.: сб. статей и документов. М., 2000.
13. *Поляков Ю. А.* Население России в XX веке: исторические очерки. М., 2000.
14. *Пришвин М. М.* Дневники. М., 1990.
15. Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного colloquium. СПб., 1999.
16. Русские ведомости. 1914. 22 июля.
17. Русские ведомости. 1915. 6 нояб.

⁵⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Т. 1. М., 1970. с. 440.

18. *Станкевич В. Б.* Воспоминания. 1914–1919. М., 1994.

19. *Троцкий И. С. Ю.* Витте и мировая война // Дни. 1924. 27 июля.

Экспозиция Соловецкого музея-заповедника «Соловецкие лагеря и тюрьма. 1920–1939»

Соловецкие острова в холодном Белом море – северный архипелаг, хранящий в себе исторические напластования прошлого и настоящего.

Первобытное освоение Соловков – середина VI тыс. до н. э. С начала XV в. здесь формировался уникальный архитектурный и природный комплекс Соловецкого мужского монастыря. Его историко-архитектурное наследие вошло в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

1920-е – 1930-е гг. на Соловках – мрачный период террора и беззакония, период «Соловецких лагерей». Великая Отечественная война – героическая страница в истории архипелага. В годы войны на островах располагались: Соловецкая школа юнг в системе Учебного отряда Северного флота, военно-морские и береговые части Северного флота, авиазвено и артиллерийские подразделения. В послевоенный период шло постепенное превращение Соловков в историко-культурный и туристско-паломнический центр мирового значения.

Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник и возрожденный Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь – этапы современной истории архипелага. С 1992 г. тесно переплетаются многие важнейшие направления в жизнедеятельности обеих организаций, основанные на партнерских взаимоотношениях во многих областях: прием и обслуживание посетителей; предоставление экскурсионных и консультационных услуг; работы, связанные с реставрацией и восстановлением памятников архитектуры; научно-исследовательские работы и многое другое.

Вот уже 25 лет одно из приоритетных направлений деятельности Соловецкого музея-заповедника – изучение истории Соловецких лагерей ВЧК-ОГПУ и тюрьмы ГУТБ (Главное управление государственной безопасности) НКВД.

С мая 1920 г. по декабрь 1939 г. Соловки пережили особый исторический период – 19 лет большевистского террора, оставившего неизгладимый след как в истории Соловков, так и в судьбах миллионов людей многих поколений. Соловецкие лагеря ВЧК-ОГПУ и тюрьма ГУТБ НКВД навсегда сделали Соловки символом ГУЛАГа и политического террора.

История Соловецких лагерей далеко не однозначна в социально-политическом аспекте, сложна в изучении и тяжела в моральном плане, требует особого подхода как в научно-исследовательской работе, так и в оценке происходившего.

До 1988 г. изучение террора, спланированного и осуществленного государством против собственного народа – различных народностей и национальностей СССР, представителей зарубежных государств и разных религиозных конфессий, – было под запретом. Любые попытки исследования со стороны сотрудников музея жестко отслеживались и пресекались силовыми ведомствами. С начала 1990-х гг. Соловецкий музей-заповедник приступил к многоплановой разработке темы. В первую очередь были проведены работы по увековечению памяти жертв репрессий на Соловках: в черте поселка Соловецкий, в районе массовых захоронений была организована мемориальная территория с установкой Соловецкого камня. Музей начал тесное сотрудничество с международным обществом «Мемориал» и его отделениями по стране. По инициативе обеих сторон с 1989 г. проводятся ежегодные акции – Дни памяти жертв репрессий. В плановые работы Соловецкого музея включено формирование фондовых коллекций и материалов для музейного архива. Ведется электронная база данных по истории Соловецких лагерей и тюрьмы (1920–1939). Особое внимание уделяется научным исследованиям: работа в государственных, ведомственных и частных архивах; полевые исследования на архипелаге и за его пределами; ведение единой базы по персоналиям (на

основе общения с бывшими заключенными, а также бывшими сотрудниками Соловецких лагерей и тюрьмы и их родственниками).

Большой интерес к теме Соловецких лагерей и тюрьмы проявляют представители средств массовой информации, как российских, так и зарубежных.

Работа в этом направлении давно вышла за рамки обычной деятельности исторического музея. В настоящее время Соловецкий музей-заповедник готовит материалы по истории Соловецких лагерей и тюрьмы для представления в виртуальном музее (инициатор – научно-информационный центр «Мемориал», Санкт-Петербург); ежегодно ведет консультативную работу с посетителями по поиску информации о репрессированных родственниках; читается курс лекций по истории Соловков в 1920–1930-е гг. для старшеклассников местной школы, жителей поселка, учащихся вузов на материке. В перспективе – разработка и осуществление совместно с Международным обществом «Мемориал» комплексной программы мемориализации объектов, мест и территорий периода репрессий на Соловецких островах и в Прибеломорье, дальнейшее комплектование единой базы данных, выход на международный уровень. Созданные в нулевые годы планшетные передвижные выставки «Дорога к покаянию», «Дело о Кремлевском заговоре», «Поисковая работа Соловецкого музея. 2001–2005» уже экспонировались в разных городах на материке. Передвижные выставки «Штрафной изолятор на горе Секирной», «Хотелось бы всех поименно назвать...», «Соловецкое Общество краеведения. 1920–1930» были доступны всем посетителям Соловков. Двадцать лет проработала стационарная экспозиция «Соловецкие лагеря особого назначения» – первая в СССР экспозиция о сталинских репрессиях на Соловках, созданная сотрудниками Соловецкого музея-заповедника в 1989 г. в одном из залов Настоятельского корпуса. Нехватка документально-исторической информации об этом периоде была восполнена художественным решением экспозиции.

В 2010 г. в черте поселка, в помещениях лагерного барака (постройка 1926–1927 гг.) была открыта новая стационарная экспозиция «Соловецкие лагеря и тюрьма. 1920–1939», основанная на материалах 20-летней научно-исследовательской работы. Экспозиция сразу погружает посетителя в наиболее тяжелые периоды прошлого островов, показывая основы формирования карательно-репрессивных структур большевистской эпохи; знакомит с основными документами того периода, этапами организации, развития и функционирования лагерей на Соловках; через карты-схемы раскрывает территориальные масштабы всей репрессивной системы, а через документы и цифры – количественные масштабы человеческих жертв.

Экспозиция изначально была задумана для индивидуального самостоятельного посещения, где материалы и документы, представленные на турникетах, позволяют шире ознакомиться с тематикой каждого раздела и подраздела. За 19 лет на Соловках репрессивная система семь раз меняла свою структуру, подчинение, назначение, а также условия содержания и использования различных категорий заключенных. Каждый раз такая перемена диктовала свои законы и правила, основанные на распоряжениях и приказах.

Девятнадцатилетняя история Соловков вобрала в себя Северные лагеря (1920–1924) и Соловецкие лагеря особого назначения (СЛОН ОГПУ) (1924–1929); с 1930 по 1934 г. – Управление Соловецких лагерей особого назначения (УСЛОН), Соловецкие и Карело-Мурманские исправительно-трудовые лагеря (СИКМИТЛ), Соловецкие ИТ лагеря ОН, а с 1934 по 1939 г. – Восьмое отделение Беломорско-Балтийского комбината (ББК). С января 1937 г. на островах открыта Соловецкая тюрьма ГУГБ НКВД с лагерным контингентом.

Не обошел Соловецкие острова и Большой террор 1937–1938 гг. В этот период более трех тысяч заключенных лагеря и тюрьмы были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны в Карелии и на Соловках.

Такое напластование сложных исторических событий на территории небольшого архипелага требует особого подхода в изучении и исследовании, поиска новых форм и решений в способах подачи. Значимыми в этом вопросе являются отношение и подход самого государства к теме репрессий.

Раскрытие и доступность государственных и ведомственных архивов – носителей основополагающей исторической информации, законодательно-правовая база в отношении исследований, выявление и мемориализация мест массовых захоронений, финансирование и софинансирование проектов по созданию региональных Книг памяти, разработка и внедрение в учебный процесс для старшеклассников и студентов единой программы по освещению репрессий тоталитарного режима – вот основные направления деятельности государства в области увековечения памяти миллионов жертв тоталитарного режима. Именно государство должно взять на себя руководство комплексной федеральной программой по увековечению памяти жертв репрессий 1917–1991 гг. и осуществление этой программы, пусть даже с опозданием на четверть века. Государство в лице его лидеров обязано способствовать освещению достоверных исторических фактов. Политические события последних десятилетий диктуют эту необходимость, вынуждая государственную власть и общественные силы пересмотреть официальную точку зрения на историю СССР и России в XX в. Искажение исторических фактов в угоду отдельным политическим лидерам – идеологическая и политическая провокация в масштабах государства, которую нужно оставить в прошлом, как и все историческое наследие тоталитарного режима. Но изучение истории XX в. должно основываться на достоверных материалах. Демократичность государства выражается и в раскрытии собственной истории, какой бы темной и грязной она ни была. Соккрытие информации – это соучастие в событиях прошлого, отголоски которого присутствуют и в наши дни. Только достоверность и объективность предоставленной исторической информации могут создать новые формы решений экспозиционно-выставочного показа, сформировать у посетителя доверие к воспринимаемой информации и ее понимание, повысить образовательный уровень молодого поколения.

При создании полномасштабной стационарной экспозиции по истории Соловецких лагерей и тюрьмы нами были поставлены достаточно трудные задачи. Современный посетитель музея – это посетитель нового поколения, живущий в ускоренном темпе посреди огромного потока информации, где коммуникабельность и новейшие технологии сплетены воедино, что диктует совершенно новые методы воздействия на него. При этом для посетителей, рожденных в 1940–50-х гг., понимание исторического прошлого в значительной степени консервативно, а для рожденных в 1990-е гг. – совершенно иное, определяемое объемами полученной или неполученной информации на элементарных уроках истории в школах, в вузах, из кино, прессы... У современного посетителя обработка визуальных образов превалирует над восприятием информации. Незнание целых исторических периодов рождает потребность в кропотливом изучении фактического материала. Восполнение происходит на эмоциональном уровне при получении конкретного исторического документа или предмета. Нужна ли здесь оценка ситуации, анализ произошедшего? Необходимы быстрый доступ к огромным объемам информации на электронных носителях, представление документальной кинохроники, слайд-фильмов, использование новых компьютерных технологий для образного восприятия объектов.

Сложность исторических процессов требует сложности форм показа. Компьютерная графика дает возможность визуального представления исторических процессов и событий на стеновых панелях, баннерах и экранах во всех экспозиционных пространствах. Электронный киоск и монитор позволяют воспроизвести достаточно широкий спектр различной информации (фондовые коллекции, результаты исследований, документальная кинохро-

ника). Использование новейших технологий в современных экспозициях дает возможность восприятия и осознания информации на совершенно другом качественном уровне.

Основная цель экспозиции – максимально точно и последовательно показать организацию и деятельность репрессивных структур на архипелаге. Начинает экспозицию раздел о создании репрессивной системы с 1917 г., когда организация многочисленных концентрационных лагерей по стране была для большевиков первостепенной политической необходимостью для удержания власти. Посетитель воспринимает последовательность исторических фактов и процессов: вначале созданы структуры, затем организована система, затем создан концентрационный лагерь на Соловках, уже далеко не первый и не единственный. Экспозиция выстроена так, что посетитель черпает информацию из двух форм текстовых материалов (исторические документы основополагающего характера и цитаты из воспоминаний бывших заключенных Соловецких лагерей и тюрьмы). Наряду с предметным рядом экспонатов в залы экспозиции введены электронный киоск и телеэкран с кинохроникой 1928 г.

Проходя по экспозиции, расположенной в помещениях лагерного барака, посетитель плавно погружается в исторические события 1920–30-х гг.: он оказывается окружен конкретными документами и фотографиями, картами и цифрами; на стенах-баннерах представлены фотосюжеты того времени, в витринах и на подиумах – исторические вещи, предметы, фрагменты, а с мемориального баннера смотрят лица соловецких заключенных. Последний раздел экспозиции дает возможность увидеть документальную кинохронику 1928 г., что еще раз подтверждает достоверность полученной информации и правдивость увиденного ранее, позволяет переосмыслить историю и роль государства в ней.

На экспозиции устоявшаяся форма музейного показа и возможности новейших технологий образуют сложную систему взаимосвязей, которые дополняют, а не исключают друг друга. Новый посетитель – новые подходы и способы в организации пространства уже существующей экспозиции, создававшейся как постоянно меняющаяся и дополняемая. Научно-исследовательские и экспедиционные работы являются основой постоянного пополнения как информационного, так и предметного ряда. Перспектива развития данной экспозиции – в расширении площадей и тематических разделов не только в близлежащих постройках, но и на прилегающих территориях, где можно разместить крупногабаритные экспонаты прямо под открытым небом. Работы продолжаются.

О. В. Бочкарева

Неизвестные страницы творческой биографии академика В. М. Жирмунского: юношеская лирика 1909–1911 годов

Академик Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971) известен в научном мире прежде всего как филолог, специалист по немецкой литературе, лингвистике, фольклору, поэтике, русской поэзии Серебряного века, сравнительному литературоведению. Однако до недавнего времени почти не была известна другая сторона его творчества – его собственные стихи. Между тем в молодости, в студенческие годы он писал довольно много стихов, но, за исключением одной-двух попыток послать их в тогдашние литературные журналы, никогда не публиковал их. Вместе с тем эти стихи представляют немалый интерес. В домашнем архиве семьи Жирмунских сохранилось несколько тетрадей с автографами его стихов, написанных в конце 1900-х – начале 1910-х гг. Некоторые из них были недавно опубликованы нами в журнале *Russian Literature*⁵⁸.

Поэзией Жирмунский начал интересоваться в ранней юности. Его духовное становление проходило в 1900-е гг., в эпоху расцвета символизма и как поэтической школы, и как философии. Еще в школьные годы, будучи учеником Тенишевского училища, он увлекался символистами, пробовал сам писать стихи. Первым литературным проба пера будущего ученого, его юношеским публикациям в журнале «Тенишевец» была посвящена обстоятельная статья А. В. Лаврова 1996 г., в которой справедливо отмечается символистская традиция в стихах молодого Жирмунского⁵⁹.

Между тем путь Жирмунского к символистской поэзии не был прям. В его юношеских дневниках, относящихся к периоду обучения в Тенишевском училище, в частности в дневнике 1905–1906 гг., перед нами предстает процесс постепенной эволюции его поэтических вкусов. Первые литературные опыты Жирмунского относятся к 1905 г. Вначале, в связи с политическими событиями 1905 г., его интересует исключительно гражданская поэзия. Дневниковые записи этого периода свидетельствуют о том, что в вечном споре сторонников чистого искусства и гражданской поэзии Жирмунский явно на стороне последних. В частности, 30 декабря 1905 г. он записывает: «Стихи и рифмы мои довольно на этот раз банальны, но чувство искренне именно потому, что я не поклонник “чистого искусства” ради искусства»⁶¹. Эти тогдашние взгляды Жирмунского заметны и в его восприятии русской поэзии. Зимой 1905–1906 г. он начинает серьезно знакомиться с творчеством Пушкина (будучи изначально воспитан на немецкой литературе, он русскую поэзию начал читать несколько позднее), и именно в силу своего тогдашнего увлечения пафосом гражданской лирики он стремится и в пушкинской поэзии увидеть прежде всего «национальное», «народное» и не приемлет идейного пафоса зрелых пушкинских стихов о назначении поэта и его непонятности толпой. «Пушкин – художник чисто национальный, несмотря на его безумный бред о жреце искусства, разобщенном с жизнью и ее страстями, ничего не имеющими общего с “ничтожной чернью”». Увы, эта ничтожная чернь слишком часто занимает перо великого

⁵⁸ Стихотворное наследие В. М. Жирмунского. Символистский период (1909–1911), подготовленное и научно откомментированное В. В. Жирмунской-Аствацатуровой и Н. А. Богомоловым // *Russian Literature*. Elsevier. SciVerse ScienceDirect. LXXII (2012) III/IV. P. 292–349.

⁵⁹ Лавров А. В. В. М. Жирмунский в начале пути // *Русское подвижничество: сб. статей*. М., 1996. с. 337–352.

⁶⁰ Лавров А. В. Русские символисты: этюды и разыскания. М., 2007. с. 544–559.

⁶¹ Жирмунский В. М. Начальная пора: Дневники. Переписка / публ., вступ. ст., коммент. В. В. Жирмунской-Аствацатуровой. М., 2013. с. 225.

поэта, что бы он об этом ни говорил»⁶². Здесь Жирмунский, по-видимому, подразумевает поздние стихи Пушкина: «Поэт», «Поэту», «Поэт и толпа («Чернь»», «Из Пиндемонти» и др., в которых отражены известные пушкинские идеи «тайной свободы» художника и его независимости не только от власти, но и от читателя.

Однако уже в те дни Жирмунский начинает чувствовать, что одного лишь гражданского, социального пафоса недостаточно. Будучи всей душой на стороне прогрессивного общественного движения, он все же задумывается и о других сторонах лирики.

Большое влияние на поэтические вкусы Жирмунского-подростка оказал его домашний учитель Григорий Яковлевич Красный (1881–1970), впоследствии известный юрист и общественный деятель, а тогда студент, дававший Жирмунскому частные уроки латинского и древнееврейского языков. Они много спорят, обсуждают стихи. Красный явно хочет направить вкусы своего ученика к эстетизму, тот сопротивляется. Но каждый раз задумывается над словами Красного. Так, в разгар декабрьского вооруженного восстания в Москве Жирмунский пишет несколько стихотворений, полных гражданского пафоса, но довольно банальных в художественном отношении. Он показывает эти стихи Красному. 30 декабря 1905 г. Жирмунский записывает в дневнике реакцию Красного: «Читал Г<ригорию> Я<ковлевичу> мое стихотворение на московское восстание. Он остался очень недовольным: тема, по его мнению, избитая, образы давно всем надоели, содержание не идет дальше переживания Марсельезы на манер всяких новейших стихотворений»⁶³.

Однако уже спустя три недели Жирмунский начинает колебаться. В записи от 23 января 1906 г. отражены его метания между гражданской лирикой и чистым искусством: «Что писать, где истинная поэзия, я не могу найти решение этому вопросу... Но как не сбиться с пути поэзии на дорогу пустого декламаторства и рифмованной прозы? ... А все-таки я теперь в колебание. Я то повторяю себе грозно: “поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан!”, то стараюсь уйти в область чистого искусства. Вечный вопрос! Однако все мои симпатии на стороне поэта-гражданина»⁶⁴. Далее Жирмунский вновь пишет гражданское стихотворение (Братья! Дружно соберемся / Все, кто правду могут петь! / Чтить свободу поклянемся, / За свободу умереть!). Но неожиданно он сам себя обрывает, чувствуя фальшь и подражательность своих строк: «И вот после этого воинственного гимна я вдруг решил посвятить себя описаниям природы, развитию слога, идеалу чистой красоты. Что-то напыщенно-ложное показалось мне в предыдущих опытах на гражданскую тему, риторическое. И все-таки это искренне, более идет от души, чем слова наших знаменитых школьных политиков, мужей слова (иначе не умеющих работать, дело делать). Откуда же мои колебания?»⁶⁵. Он пишет два стихотворения, объединив их под общим названием «Из лирики природы». Но тут же сам как будто стыдится своего поворота к эстетизму. С определенной долей самоиронии он замечает: «Теперь мне остается писать: “Закрой твои бледные ноги!” Это уже совсем “чистое искусство”. Да здравствует преемник Валерия Брюсова! Ура!»⁶⁶.

В марте 1906 г. в училище начинает работать литературный кружок. Готовясь к заседанию кружка, Жирмунский читает статьи Писарева «Реалисты» и «Базаров». Несмотря на

⁶² Жирмунский В. М. Начальная пора: Дневники. Переписка / публ., вступ. ст., коммент. В. В. Жирмунской-Аствацатуровой. М., 2013. с. 222.

⁶³ Жирмунский В. М. Начальная пора: Дневники. Переписка / публ., вступ. ст., коммент. В. В. Жирмунской-Аствацатуровой. М., 2013. с. 225.

⁶⁴ Жирмунский В. М. Начальная пора: Дневники. Переписка / публ., вступ. ст., коммент. В. В. Жирмунской-Аствацатуровой. М., 2013. с. 231.

⁶⁵ Жирмунский В. М. Начальная пора: Дневники. Переписка / публ., вступ. ст., коммент. В. В. Жирмунской-Аствацатуровой. М., 2013. с. 232–233.

⁶⁶ Жирмунский В. М. Начальная пора: Дневники. Переписка / публ., вступ. ст., коммент. В. В. Жирмунской-Аствацатуровой. М., 2013. с. 234.

то что он по-прежнему привержен принципу общественной полезности искусства, из дневниковых записей хорошо заметно неприятие Жирмунским утилитарного подхода Писарева к искусству. Это отталкивание еще более усиливается в записи от 5 марта, где, анализируя образ Базарова, Жирмунский приходит к выводу, что «отрицание нигилистом искусства, наслаждения красотой, борьбы за цивилизацию и т. д. находит себе причину исключительно в узкой партийности взглядов»⁶⁷. С этого дня неприятие Жирмунским общественно полезного подхода к искусству, к поэзии резко усиливается. 12 апреля 1906 г., под впечатлением весеннего настроения, Жирмунский пишет лирические стихи, довольно подражательные, но явно выдержанные в русле «чистого искусства». «Да, у декадентов нужно поучиться умению пользоваться языком: как гениально переведено, например, Бальмонтом 4-е действие “Освобожденного Прометея” Шелли. Это сплошная музыка! – Я собираюсь учиться форме у декадентов, чтобы разбить их их же орудьем. Кто сумеет, подобно классикам, сочетать божественную красоту формы с глубиной содержания, тем самым докажет несостоятельность декадентства»⁶⁸.

Фактически эта запись знаменует подспудный переход Жирмунского на позиции эстетизма, в котором он еще сам себе не до конца признается. В записи от 13 мая, подводя итог пережитому в завершающемся учебном году, он, в частности, отмечает: «Конец года принес много новых колебаний: увидав внезапно перед собою молодой русский Парнас, декадентов, я смешался, почти сбился с пути. И теперь еще передо мной дилемма: где поэзия, в жизненной правде реализма, или в учении об искусстве для искусства»⁶⁹.

Итак, 1906 г. можно считать неким рубежом в эстетических предпочтениях юноши Жирмунского. Начиная с 1906 г. и вплоть до 1912 г., т. е. два последних года в Тенишевском училище и весь период студенчества в Петербургском университете, Жирмунский непрерывно пишет стихи. Особенно плодотворными для его поэзии стали студенческие годы. На поэтические вкусы Жирмунского, несомненно, повлияла дружба с Василием Васильевичем Гиппиусом (1894–1942), будущим профессором Ленинградского университета, а тогда студентом романо-германского отделения Петербургского университета. Их знакомство восходит еще к годам совместного учения в Тенишевском училище. Именно в этот период оба юноши увлекаются поэзией, сами пишут стихи, ищут знакомств с литераторами. Однако тогда они еще не были близкими друзьями. Настоящее сближение происходит в студенческие годы, на романо-германском отделении Петербургского университета. Друзей соединяет не только совместная работа в семинаре, но и общие литературные интересы. В 1909–1910 гг. оба они регулярно посещают заседания Общества ревнителей художественного слова (Поэтической Академии), собиравшегося в редакции журнала «Аполлон», под председательством Вячеслава Иванова. Гиппиус, в большей степени, чем Жирмунский, связанный с литературным миром, был завсегдатаем заседаний Академии.

В настоящей статье мы хотели бы рассмотреть стихи Жирмунского 1909–1911 годов, собранные в три сборника: «Стихи 1909 года. I. Январь – август» (45 стихотворений), «Стихи 1909 года. II. Август – январь (31 стихотворение)», «Стихи 1911 года. Январь – декабрь (25 стихотворений)». Они действительно написаны под сильным воздействием символистов и в традиции символистской школы.

Прежде всего обращают на себя внимание эпиграфы. Русская поэзия представлена в них цитатами из М. Лермонтова, Ф. Тютчева, А. Фета, А. К. Толстого, Вл. Соловьева, З. Гип-

⁶⁷ Жирмунский В. М. Начальная пора: Дневники. Переписка / публ., вступ. ст., коммент. В. В. Жирмунской-Аствацатуровой. М., 2013. с. 241.

⁶⁸ Жирмунский В. М. Начальная пора: Дневники. Переписка / публ., вступ. ст., коммент. В. В. Жирмунской-Аствацатуровой. М., 2013. с. 225.

⁶⁹ Жирмунский В. М. Начальная пора: Дневники. Переписка / публ., вступ. ст., коммент. В. В. Жирмунской-Аствацатуровой. М., 2013. с. 261.

пиус, Ал. Добролюбова, А. Блока, В. Брюсова, Ф. Сологуба. Из европейских поэтов много эпитафий из поэзии Гете, Шелли, Россетти, Новалиса, Ницше. Если задаться вопросом, что общего увидел Жирмунский-поэт в лирике таких разных авторов, то напрашивается ответ – романтизм. Именно в эти годы, занимаясь в романо-германском кружке и работая в семинаре Ф. А. Брауна, Жирмунский изучает творчество и эстетику немецких романтиков. Пройдет всего несколько лет, и в последней главе своей первой книги «Немецкий романтизм и современная мистика» (1914) он назовет символистов неоромантиками.

Во многих стихах Жирмунского присутствуют мотивы из поэзии романтиков и символистов. А. В. Лавров справедливо указывает на блоковские реминисценции в стихотворении из сборника 1909 года «Ты для меня моя Сольвейг, моя дорогая...»⁷⁰. К этому можно добавить, что мотив Сольвейг, навеянный известным стихотворением Блока, повторяется и в сонете «Роза и Сольвейг» (из того же сборника) и особенно ярко – в стихотворении из цикла «После молитвы»:

И ты пришла – вся теплая, живая,
Как Сольвейг милая когда-то в старину,
Ночные тени, свой восторг сливая,
Поют твою любовь и тишину.
И ты пришла – свивайте ваши тени,
Деревья белые – я так хочу!
Под снегом ждет ковер моих растений.
О, ночь моя! На лыжах я лечу!

71

Можно отметить и другие мотивы, лежащие в традиции Блока и его предшественника Вл. Соловьева, в частности в стихотворении из того же цикла «После молитвы»:

Есть небеса, куда никто не поднимался,
И горы красные в лазурных облаках,
Над ними только свежий ветер рвался
И колыбался на лесных цветках.

72

В стихотворении «Сады твои, о, светлые и чистые...» явно слышится отзвук знаменитого блоковского «О доблестях, о подвигах, о славе...»:

Сады твои, о, светлые и чистые!
Я их покинул для мирских сует,
И я забыл глаза твои лучистые,
Мой бесконечный, неизбывный свет.

⁷⁰ Жирмунский В. М. Начальная пора: Дневники. Переписка / публ., вступ. ст., коммент. В. В. Жирмунской-Аствацатуровой. М., 2013. с. 549.

⁷¹ Стихотворное наследие В. М. Жирмунского. Символистский период (1909–1911), подготовленное и научно откомментированное В. В. Жирмунской-Аствацатуровой и Н. А. Богомоловым // Russian Literature. Elsevier. SciVerse ScienceDirect. LXXII (2012) III/IV. P. 292–349. с. 323.

⁷² Стихотворное наследие В. М. Жирмунского. Символистский период (1909–1911), подготовленное и научно откомментированное В. В. Жирмунской-Аствацатуровой и Н. А. Богомоловым // Russian Literature. Elsevier. SciVerse ScienceDirect. LXXII (2012) III/IV. P. 292–349. с. 321.

73

Стихотворение, написанное в июле 1909 г., вызывает в памяти блоковские и брюсовские мотивы и образы:

Твои поцелуи – вино на моих губах.
Небо и море, свет и правда вокруг.
Твои поцелуи – вино моей любви.
Здесь со мною мой нежно любимый друг.

74

Стихотворение «*Alba*» имеет подзаголовок «Подражание неизвестному средневековому образцу», но при этом его композиция, построенная на амебейном параллелизме, восходит к Бальмонту:

Милый, проснись! – на заре
Кричат за окном петухи...
– Ты мой свет неугасный – любимой сестре
Я тебя предпочту... На заре, на заре
За окном кричат петухи...
Я ли тебя не люблю,
Я вся горю от тебя.
– Я всю жизнь и кончину с тобой разделю,
Чтоб ты знала, как звездно тебя я люблю,
Как ласкаю и целую тебя.

75

Помимо символистских мотивов в стихах Жирмунского прослеживаются образы, восходящие к Фету. Например, стихотворение «Вечерняя дума»:

Воздух прозрачен и свеж, и дыханьем здоровым полны
Тучи там, наверху, – внизу подземный песок.
Вот пронеслись молчаливые, странно жуткие волны.
Солнце только зашло, но темен уже восток.

76

Или в стихотворении «Ноктюрн»:

Я хотел бы глядеть в твои золотые глаза,

⁷³ Стихотворное наследие В. М. Жирмунского. Символистский период (1909–1911), подготовленное и научно откомментированное В. В. Жирмунской-Аствацатуровой и Н. А. Богомоловым // Russian Literature. Elsevier. SciVerse ScienceDirect. LXXII (2012) III/IV. P. 292–349. с. 319.

⁷⁴ Стихотворное наследие В. М. Жирмунского. Символистский период (1909–1911), подготовленное и научно откомментированное В. В. Жирмунской-Аствацатуровой и Н. А. Богомоловым // Russian Literature. Elsevier. SciVerse ScienceDirect. LXXII (2012) III/IV. P. 292–349. с. 309.

⁷⁵ Стихотворное наследие В. М. Жирмунского. Символистский период (1909–1911), подготовленное и научно откомментированное В. В. Жирмунской-Аствацатуровой и Н. А. Богомоловым // Russian Literature. Elsevier. SciVerse ScienceDirect. LXXII (2012) III/IV. P. 292–349. с. 318.

⁷⁶ Стихотворное наследие В. М. Жирмунского. Символистский период (1909–1911), подготовленное и научно откомментированное В. В. Жирмунской-Аствацатуровой и Н. А. Богомоловым // Russian Literature. Elsevier. SciVerse ScienceDirect. LXXII (2012) III/IV. P. 292–349. с. 313.

Долго, долго глядеть и молиться тебе.
Я хочу увидеть в синеве небеса,
Небеса в синеве, в синеве.

77

Традиция Фета проявляется и в строфике некоторых стихов Жирмунского. В стихотворении, датированном январем 1909 г., необычная строфика: нечетный стих – 4-стопный амфибрхий, четный – 3-стопный анапест, с мужским окончанием:

Я плачу, я плачу на темных камнях
И стою на беззвездных путях,
И больно сгорают на сердце моем
Эти звуки непетым огнем...

78

...что отсылает к строфике известного стихотворения Фета «Певице»:

Уноси мое сердце в звенящую даль,
Где как месяц за рощей печаль;
В этих звуках на жаркие слезы твои
Кротко светит улыбка любви.

79

Или строфика стихотворения «Твои святыне, чистые черты...», также восходящая к фетовской:

Твои святыне, чистые черты
Не осквернит земли прикосновенье,
Но не нашли еще себе забвенья
Мои мечты.

80

Примечателен язык стихотворений Жирмунского. Сам он позднее, уже в 1921 г., в статье «Метафора в поэтике русских символистов» напишет, что язык каждого поэта-символиста имеет свой своеобразный словарь символов⁸¹. Такого рода «словарь» можно заметить и в поэзии самого Жирмунского. В большинстве его стихотворений прослеживается язык условных символов, восходящих к традиции поэзии Вл. Соловьева и «Стихов о Прекрасной Даме» Блока: *солнце, звезды, заря, небеса, туманы, волны, мечта, тоска, молитва, ангелы,*

⁷⁷ Стихотворное наследие В. М. Жирмунского. Символистский период (1909–1911), подготовленное и научно откомментированное В. В. Жирмунской-Аствацатуровой и Н. А. Богомоловым // Russian Literature. Elsevier. SciVerse ScienceDirect. LXXII (2012) III/IV. P. 292–349. с. 293.

⁷⁸ Стихотворное наследие В. М. Жирмунского. Символистский период (1909–1911), подготовленное и научно откомментированное В. В. Жирмунской-Аствацатуровой и Н. А. Богомоловым // Russian Literature. Elsevier. SciVerse ScienceDirect. LXXII (2012) III/IV. P. 292–349. с. 292.

⁷⁹ Фет А. А. Полное собрание стихотворений. Л., 1959. с. 182.

⁸⁰ Стихотворное наследие В. М. Жирмунского. Символистский период (1909–1911), подготовленное и научно откомментированное В. В. Жирмунской-Аствацатуровой и Н. А. Богомоловым // Russian Literature. Elsevier. SciVerse ScienceDirect. LXXII (2012) III/IV. P. 292–349. с. 311.

⁸¹ Жирмунский В. М. Метафора в поэтике русских символистов. Гл. 3 // Жирмунский В. Поэтика русской поэзии. СПб., 2001. с. 180–197.

лампады, кадилница, поля, сад, венок. Большое место в этом словаре занимают образы цветов: *розы, васильки, повилка.* Обращает на себя внимание обилие метафорических эпитетов: *золотой, золотистый (золотые глаза, золотая лампада, золотая река), голубой (голубой цветок, ты моя голубая), синий (синее счастье), изумрудный (изумрудные листья).*

Два чувства проходят сквозной темой в лирических сборниках Жирмунского 1909 г. – любовное и религиозно-мистическое. При этом невозможно разделить стихи на любовную и религиозную лирику, так как оба эти чувства в стихах слиты воедино. Любовные стихи посвящены Софье Николаевне Валенковой, сестре однокашника Жирмунского по Тенишевскому училищу, с которой его в те годы связывало глубокое и нежное чувство. Софья Николаевна была глубоко религиозной девушкой, склонной к мистицизму, и христианская вера Жирмунского сформировалась не в последнюю очередь под ее влиянием.

Твоя любовь – это сад, где молился я долго и сладко,
И буду молиться, пока не погаснет земля.

82

На алтаре поэзии святой
Роняли мы вечерние цветы,
И много было слов о жизни той,
Где неразлучен с тихой красотой,
Венчает Бог влюбленные мечты.

83

На дороге в золоте и свете
Мы простились поздней весной.
Я молился о твоём обете,
Ты молилась тихо надо мной.

84

В стихотворении «Своей рукой я землю подыму...», которому предпослан эпиграф из Ф. Сологуба «Я создал небеса и землю», любовь к женщине и любовь к Богу органически сливаются в единую, вечную любовь.

Своей рукой я землю подыму
И с небом пламенеющим смешаю.
Я Божий мир твоей любовью украшаю
И песнями престолу твоему.

⁸² Стихотворное наследие В. М. Жирмунского. Символистский период (1909–1911), подготовленное и научно откомментированное В. В. Жирмунской-Аствацатуровой и Н. А. Богомоловым // Russian Literature. Elsevier. SciVerse ScienceDirect. LXXII (2012) III/IV. P. 292–349. с. 296.

⁸³ Стихотворное наследие В. М. Жирмунского. Символистский период (1909–1911), подготовленное и научно откомментированное В. В. Жирмунской-Аствацатуровой и Н. А. Богомоловым // Russian Literature. Elsevier. SciVerse ScienceDirect. LXXII (2012) III/IV. P. 292–349. с. 297.

⁸⁴ Стихотворное наследие В. М. Жирмунского. Символистский период (1909–1911), подготовленное и научно откомментированное В. В. Жирмунской-Аствацатуровой и Н. А. Богомоловым // Russian Literature. Elsevier. SciVerse ScienceDirect. LXXII (2012) III/IV. P. 292–349. с. 318.

85

Образ возлюбленной поэта восходит к традиции раннего Блока. Она названа «невеста», «госпожа», «избранное дитя», у нее «чистые черты». О себе и своей возлюбленной поэт говорит: «мы дети». В стихах повторяется мотив «венчального обряда», который для поэта означает нечто большее, чем обычная свадьба.

Не в горячей крови нашей жизни
Я свершу свой венчальный обряд.
Я вернусь к позабытой отчизне,
Где цветы голубые горят...

.....
Где клянемся мы светлой невесте,
Золотой, как вечерний закат,
Где мы любим и молимся вместе,
Где цветы голубые горят.

86

Любовь и вера для поэта – одно целое.

На дороге в золоте и свете
Мы простились поздней весной.
Я молился о твоём обете,
Ты молилась тихо надо мной.

(1909)

Все миры твои далекие, живые,
Господи, зажги в ночи моей,
Все лампы ты затепли золотые,
Все молитвы умиленные над ней.

(1911)

87

Для поэта вера – это мистическое чувство, стремление к «нездешним мирам». Здесь помимо несомненного влияния Вл. Соловьева и Блока сыграло роль и тогдашнее увлечение Жирмунского немецкими романтиками иенской школы с их стремлением к «чувству жизни» и Гете с его «мировой душой». Это особенно заметно в стихотворении «Сперва я ждал зари...», которому предпослан эпиграф из Вл. Соловьева «Как прежде, я иду в неведомой стране»:

...Сперва я ждал зари. Прозрачно-золотистым

⁸⁵ Стихотворное наследие В. М. Жирмунского. Символистский период (1909–1911), подготовленное и научно откомментированное В. В. Жирмунской-Аствацатуровой и Н. А. Богомоловым // Russian Literature. Elsevier. SciVerse ScienceDirect. LXXII (2012) III/IV. P. 292–349. с. 308.

⁸⁶ Стихотворное наследие В. М. Жирмунского. Символистский период (1909–1911), подготовленное и научно откомментированное В. В. Жирмунской-Аствацатуровой и Н. А. Богомоловым // Russian Literature. Elsevier. SciVerse ScienceDirect. LXXII (2012) III/IV. P. 292–349. с. 310.

⁸⁷ Стихотворное наследие В. М. Жирмунского. Символистский период (1909–1911), подготовленное и научно откомментированное В. В. Жирмунской-Аствацатуровой и Н. А. Богомоловым // Russian Literature. Elsevier. SciVerse ScienceDirect. LXXII (2012) III/IV. P. 292–349. с. 334.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.